

Услуга за услугу

Автор:

Елена Хантинг

Услуга за услугу

Елена Хантинг

Passion. Горячая трилогия Елены Хантинг #2

После расставания с парнем Стиви переезжает в пустующий дом своего брата. Дом так хорош, что даже разбитое сердце оплакивать в нем немного приятнее. К тому же Стиви ждет новая интересная работа, она молодой физиотерапевт-реабилитолог.

Единственный минус – это сосед напротив, здоровенный нахал-красавчик, который любит разгуливать в нижнем белье, да еще на дух не переносит ее родного брата.

Впрочем, и брат, и сосед спортсмены, и Стиви не удивлена их соперничеству. Правда, сосед ей чуть-чуть симпатичен, и это осложняет ситуацию. А уж когда он вызывается помочь ее карьере... Словом, у Стиви в жизни полнейший бардак.

Не хватало только бывшего, который намерен ее вернуть.

Елена Хантинг

Услуга за услугу

Helena Hunting

A FAVOR FOR A FAVOR

Copyright © 2020 by Helena Hunting

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© dekazigzag, IVASHstudio / Shutterstock.com;

В оформлении суперобложки использована фотография:

© Pushish Images / Shutterstock.com;

В оформлении форзаца использована иллюстрация:

© phyZick / Shutterstock.com;

Пиктограммы на форзаце:

© Palsur, Buternkov Aleksei / Shutterstock.com

Используются по лицензии от Shutterstock.com

© Мышакова О., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Всем, кто остается в тени, чтобы не мешать блистать другим

Глава 1. Неудачный день

Стиви

У всех бывают плохие дни, но сегодняшний уверенно бил все рекорды. Допустим, четырехчасовой перелет из Лос-Анджелеса в Сиэтл бок о бок с соседями, от которых несет тухлым сыром и недельной давности трусами, не трагедия, но один из моих чемоданов по ошибке отправили на Аляску (а может, и в Нунавут, кто, блин, знает?), а у другого сломалась ручка и отлетело колесико. День стремительно становился все хуже и хуже.

А глазурью на этом торте из дерьма стала встреча (менее часа назад) с моим теперь уже бывшим бойфрендом Джоуи. Ну как встреча – я застала его на какой-то девице, которую он увлеченно драл в гостиной на нашем новеньком диване, на том самом, который подарил нам брат на новоселье. Это мне за то, что я прилетела на два дня раньше, не предупредив Джоуи. Я, видите ли, хотела подгадать к своему дню рождения.

– Мне точно не надо приехать в Сиэтл и выбить дух из этого урода? Могу выехать рано утром. – Эр Джей в эти выходные гостит на ферме у тестя и тещи, а это от Сиэтла полтора часа на машине. Оттого, что кто-то настолько горячится, готовый мстить за мою обиду, мне стало чуть легче, однако мой брат играет в НХЛ, он молодой муж и папаша. Я могла с чистым сердцем разрешить отлупить моего бывшего за скотство и измену – это стало бы пластырем на моем пошкрябанном эго и бальзамом на разбитое сердце, но все же мысль не лучшая. Во-первых, мордобитие чревато обвинением в умышленном нанесении тяжких побоев: Джоуи устроит спектакль, имя Эр Джея будут трепать в прессе, а фотографии – в Сети. Меньше всего я хочу видеть собственную физиономию на разных желтых сайтах, ассоциируясь со знаменитым братом и слизняком-бывшим. Поэтому, пусть Джоуи и заслужил разбитый нос и фиолетовый фингал, потенциальному скандалу я скажу «спасибо, не надо».

– Я искренне благодарна тебе за готовность вступить за меня и применить немного насилия, но, по-моему, произошедшее не стоит мороки с адвокатами.

– Но как же ты будешь разбираться со всем этим одна, да еще и в свой день рождения, Стиви? Знай я, что ты прилетаешь раньше, не уехал бы на выходные. Хочешь, я приеду за тобой и увезу погостить на ферму?

– Да у меня в последнюю минуту планы изменились. – И зря, ох зря... – Спасибо за приглашение, но ты и так дал мне место бросить кости, пока этого более чем достаточно. – Я искренне люблю брата, но меня абсолютно не привлекала перспектива общаться с родней его жены, пока я кисну в «пострасставательной» хандре. – В понедельник я выхожу на работу в клинику, зачем мне туда-сюда кататься. Обещаю, все будет нормально. – Я смотрела, как меняются светящиеся цифры на мониторе лифта. Через пять минут смогу наконец прореветься после уникально мерзопакостного денька. – Я уже почти вошла. Давай тебе утром позвоню?

– Ну ладно. Я сегодня долго не лягу, если не сможешь войти, сбрось сообщение. Там хитрая электронная система замков, заставит попотеть, пока не разберешься.

– Справлюсь как-нибудь. Спасибо, Эр Джей.

– Звони в любое время, я всегда помогу. Сочувствую насчет... С днем рождения, кстати! Когда мы вернемся в город, закатим праздничный ужин. Закажу твой любимый торт...

– Конечно-конечно, вот будет здорово. Я тебя тоже люблю, – я нажала отбой и попыталась гордо выпрямиться, приподняв подбородок, чтобы из глаз не текли слезы.

Лифт мелодичным звоночком возвестил прибытие на верхний этаж, в пентхаус. Единственный плюс застукать бойфренда на другой бабе в том, что мне теперь нежданно-негаданно доведется пожить в люксовых условиях (пока я не подыщу себе квартиру).

Я как могла поправила сломанную ручку и потащила охромевший чемодан из лифта на одном колесике. Я страшно устала и ждала лишь возможности удариться в слезы и сопли, испытыв наконец облегчение. Сейчас бы еще пинту мороженого, а лучше пять...

К сожалению, мне не удалось по достоинству оценить элегантность обстановки: едва я ступила на прекрасный мягкий ковер, выступ на месте отлетевшего колесика застрял в щели шириной дюйма два, по которой движутся дверцы кабины.

– Да вы охренели все сегодня?! – я рванула чемодан. Лифт уже начал закрываться, дверцы стукнули по чемодану и разъехались вновь. Швырнув куда придется сумку, я начала выкручивать застрявший чемодан, однако обломок заклинило намертво. Лифт громко запищал в знак того, что кабина открыта слишком долго.

Время было позднее, уже к полуночи, и я лишь надеялась, что на звукоизоляции в пентхаусе не сэкономили, потому что грохотала я как не знаю кто. Наконец мне удалось выдрать чемодан из объятий лифта. Я по инерции попятилась, споткнулась о сумку и с размаху приземлилась на задницу. Ну хоть ковер мягкий и полы здесь чистые... Я замерла, ожидая, что с потолка на меня обрушится пианино или сейф, раз уж выдался такой денек проклятый.

Ничего не дождавшись, я поднялась с пола, решив перевернуть чемодан и тянуть его по ковру на крышке, как на санках, чтобы не устраивать тарарам. В отличие от обычных жилых домов, здесь не было длинного коридора, а лишь просторный холл, куда выходили четыре квартиры – две двери справа и две слева. Вычислить квартиру 4004 несложно. Раз соседей мало, можно надеяться на тишину и покой.

Посреди холла красовался стеклянный стол с огромной цветочной композицией, источавшей сильный, тяжелый аромат. Обогнув стол, я подвезла чемодан по ковру к своему временному приюту и только тут спохватилась, что сумка так и валяется на полу у лифта. Карта-ключ, которую мне выдали на ресепшене, переместилась, судя по всему, на самое дно. Нетерпеливо копаясь в сумке, где, как в ковровом саквояже Мэри Поппинс, баракла было на диво, я машинально присела на чемодан – и паршивый пластиковый корпус громко треснул подо мной. Ну и плевать, все равно чемодану дорога на свалку... Острый обломок кольнул меня в ягодицу, но я слишком устала, чтобы обращать внимание на мелкие неудобства.

И карта-ключ, и мобильник волшебным образом провалились в маленькую дырку в подкладке, и я целую вечность их выуживала. Наконец я нашла в телефоне инструкцию, как открывать дверь, – система электронных замков в здании

требовала пошагового объяснения. Устало поднявшись на ноги, я набрала шестизначный код, провела карточкой и повернула ручку, но замок сердито запищал на меня.

– Я только хочу прилечь, – объяснила я двери и набрала код заново, но замок запищал громче и дольше. – Что за хрень, чего не открываешься? – шепотом заорала я. На каждую попытку войти в квартиру система отвечала истерическим пискom. Мое терпение было на пределе.

Я раздраженно рванула ручку. Не хочу снова звонить Эр Джею, я еще в состоянии отпирать входные двери! Видимо, я чего-то не учитываю, какой-нибудь мелочи. К тому же у Эр Джея маленький ребенок, который своеобразно спит по ночам и обожает просыпаться ни свет ни заря. Но Коди просто прелесть, поэтому ему прощают привычку будить всю семью с первыми петухами.

Дверь напротив распахнулась. Прекрасно, я разбудила своих временных соседей. Вот и говорите о важности первого впечатления... Я обернулась с намерением извиниться, как вдруг во рту пересохло.

На пороге стоял верзила – очень-очень большой мужик. Мой брат – здоровяк, он на всех смотрит с высоты своих ста девяноста сантиметров, но голова взбешенного незнакомца почти касалась дверной рамы. И еще он был широкий, нечеловечески широкий. Короче, не мужик, а полтора мужика, вот.

Помимо избытка роста и ширины (и раздраженной гримасы на физиономии), соседа отличала почти полная обнаженность: он вышел в одних трусах. Я бы еще спокойно отнеслась к его горилльим габаритам и роскошным темно-каштановым волосам, взъерошенным со сна, а также к гневным зеленовато-карим глазам, мужественному квадратному подбородку и полным губам. Я могла бы пережить подтянутую фигуру, огромные бицепсы, выпуклые кубики пресса и прикольный темный пушок, дорожкой тянувшийся от втянутого пупка. Но я залипла, уставившись незнакомцу в пах: на трусах красовалась надпись «Остерегайтесь падения камней», а справа, где, видимо, был его шланг, двигалось и натягивало ткань нечто плотное. Стороннему наблюдателю показалось бы, что я рассматриваю чужое богатство (собственно говоря, так и было).

– Что, мать вашу, здесь происходит? – загремел сосед. – Ночь-полночь, а вы тут устраиваете чертов грохот! Люди, между прочим, спят! – Голос у него был густой, жесткий и громкий. Верзила скрестил огромные руки на скульптурной груди, что, по идее, должно было прикрыть его наготу, но на деле лишь привлекло внимание к величине мышц. Надо же, и руки у него тоже мощные... Еще какие мощные... Как вам такой образчик неприязненного отношения?

– Простите, у меня проблемы с чемоданом и ключом, – я помахала картой и показала на треснувший чемодан, отчего-то разом вспотев. Видимо, от смущения, что мне вставляет пистон красивый мужик в одних трусах.

Голый красавчик презрительным фырканьем отмел вескость моих извинений, не предложив помощь и не сбавив тона.

– Где вы взяли карту?

– Не ваше дело, – огрызнулась я, просматривая сообщения в телефоне и стараясь разобраться, что я не так делаю с картой и кодом. Надо войти, наконец, в квартиру и отделить себя дверью от этого засранца класса А.

– Нет, это мое дело, потому что вы, черт бы вас побрал, на моем этаже грохочете! Готов поспорить, вы за эту карту кому-то заплатили!

Я даже оторвалась от списка сообщений, чтобы поэффективнее посверлить глазами этого идиота.

– Что вы несете?

Подобные тупорылые обвинения тянут на первый приз на конкурсе поганцев! Надо же, такая внешность – и такому дураку досталась!

Незнакомец выпятил рельефную грудь, смерил меня взглядом и наставил на меня палец. Его (и соседа, и пальца) реально можно было испугаться.

– Кому из охранников заплатила? Или натурой дала?

– Какой натурой? – обалдела я.

Бесштаный говнюк прислонился к косяку, с усмешкой оглядев меня с головы до ног. Я стояла в джинсах и футболке с мультяшным тортом, а волосы затолкала под вязаную шапчонку, потому что я с дороги и влажный воздух прическе не на пользу.

– Думаешь, ты первая такая умная? Девки постоянно подкупают охрану ради пропуска в здание!

– Я не...

Наглец перебил меня, прежде чем я успела его осадить:

– Слушай, щекастая, не знаю, чего ты нанюхалась или чем ширнулась, но учти, без кода ты в квартиру не попадешь. А если и ворвешься, на такую чучундру, – незнакомец показал на мое лицо и прочертил рукой вниз, – ни у одного мужика не встанет. Хватит позориться, вали обратно на свалку, откуда пришла!

Меня только что назвали чучундрой? Так, все, я больше не могу. Хватит с меня скотов на сегодня!

Глава 2. И каков ущерб?

Бишоп

Ну ладно, согласен, насчет чучундры я малость перегнул, но ведь уже полночь, а я устал! Я вышел в холл с мыслью свернуть шею чуваку, который живет в 4001-й, – всякий раз, приезжая в город, он гудит по несколько дней, а потом тишина на неделю или дольше. К счастью, в отъезде он бывает чаще, чем в городе, однако всякий раз, как он дома, в лифте катаются полуголые потенциальные венерички.

Но вместо чудилы из 4001-й я столкнулся с катастрофой женского пола. Даже в таком виде девка была ничего себе, но чересчур шумно прорывалась в квартиру одного игрока нашей команды. А игрока-то дома, кстати, и нет – он себе особняк

купил, что ли, и смотался туда с женой и мелким.

Мое общение с Боуменом было скучным на слова и не всегда приятным. Я не большой его поклонник. Всякий раз, как в прошлых сезонах нам случалось сойтись на льду, кому-нибудь назначали дисциплинарный штраф за агрессивное поведение. Но моя неприязнь к Боумену подскочила до критической отметки, когда он отказался от условия о запрете обмена в своем контракте и перевелся в Сиэтл, попав в сборную буквально в последнюю минуту. Это бы еще и ладно, но ему отдали должность капитана, которую прочили мне! Его глупейший фальшиво-дружеский настрой «это нам по силам, мы команда!» и мое положение в вечном резерве у нашего чертова тренера заставляли ненавидеть Боумена еще яростнее. Я не верил его добренькому, якобы великодушному поведению. Именно Боумен предложил поставить меня в защиту – небось чтобы убрать соперника с заветной позиции центрфорварда! Не подумайте, что я жалуясь... А тут, глядите, выясняется, что Боумен с толком использует служебный пентхаус! Ну козел!..

Неизвестная пришелица криво усмехнулась и выпрямилась.

– С меня уродов на сегодня вот так! – Она провела ладонью у себя над головой. Ростом девица не вышла, так что получилось не особо высоко. – Спасибо за помощь и понимание, а еще за оскорбления и хамство! Именно этого мне и не хватало после отвратительного дня! Очень ценю столь креативное метание помета!

– Я говорю как есть, и не моя вина, если правда глаза колет!

– Господи, какой засранец! Очень жаль, что такой экстерьер пропадает с таким характером, – она прошлась по мне взглядом и фыркнула, почти раздраженная собой за то, что разглядывает меня. Между тем это я должен фыркать, раз она скачет на моем женатом одноклубнике! – Почему вы расхаживаете в таком виде? Вас что, не воспитывали?

Блин, во завелась-то! Это было бы даже прикольно, да только время позднее, а я не в духе, оттого что разбуженный. Я не стал отвечать на вопрос о моем виде, потому что это не имеет отношения к делу.

– Если тут кто и засранка, так это ты со своим грохотом!

Незванная гостя снова взглянула в свой телефон, перебирая сообщения. Она просканировала карту, ввела код и на этот раз, к моей досаде, получила зеленый свет. Похоже, Боумен действительно обзавелся подстилкой – не такой уж он идеальный, как строит из себя...

Неизвестная баба плечом открыла дверь и кое-как втащила свой помятый чемодан в квартиру.

– Спасибо, что помог! Приятно, когда тебя так тепло встречают соседи, – она выставила мне средний палец и скрылась в недрах пентхауса.

Я поразмыслил, не звякнуть ли тренеру, а лучше генеральному, но решил, что это бесполезно. Боумен только что в десны не сосется с тренером Алексом Уотерсом, они вместе за Чикаго играли несколько лет, а Уотерс – дружан генерального. Да и что мне до боуменовских шалостей? Если он изменяет жене, я между ними уж точно не полезу.

Я выключил телик, перед которым, оказывается, заснул, и бухнулся на кровать. Думал, отрублюсь сразу, потому что я был никакой, но поймал себя на интересе – что там творится в квартире напротив? Нездоровый какой-то интерес.

Утром я проснулся поздно, потому что мой ночной сон был нарушен, включил кофеварку и вышел в холл за газетами. Книг я не читаю, для этого нужно свободное время, а у меня нет возможности сесть и дочитать до конца. Газеты – дело другое. За завтраком я просматриваю спортивный раздел, схватывая по заголовкам основные события, и наискосок пробегаю новости – надо же знать, что в мире происходит.

Мое средненькое настроение скисло окончательно, когда я бросил взгляд на дверь напротив. Сейчас, малость отоспавшись, я готов был признать, что повел себя по-хамски, но я искренне считаю, что у меня были на то причины. Просто бесит, что этот лицемер Боумен селит свою мадам в служебной квартире.

Я уже хотел вернуться к себе, когда заметил, что дверь-то соседская приоткрыта. Первым побуждением было все равно вернуться к себе – не мое дело, но в голову полезли возможные причины, отчего пентхаус не закрыт.

А. Вчерашней щекастой ходячей катастрофе повезло с кодом, и она обнесла квартиру.

Б. Боумен забежал домой, чтобы на всю катушку попользоваться служебным жильем.

В. Жена Рука узнала про его любовницу и решила прикончить изменщика и шлюху.

Если верен вариант А, то сегодняшняя смена охраны потеряет работу. Если вариант Б и я застаю Боумена в койке, у меня появится хороший козырь. А если вариант В и в квартире валяются трупы, то в холл вскоре потянет тухлым запахом.

Я вставил газеты между своей дверью и косяком, чтобы не захлопнулась, и босиком пошлепал через холл. Крови-то я навидался после многочисленных стычек на льду, но трупы – дело иное, непривычное. Однако я рассудил, что свеженький труп лучше трехдневного, и начал выполнять свой гражданский долг.

Я стукнул в дверь – она приоткрылась на несколько дюймов. Выждав секунд пятнадцать, я постучался снова. Когда спустя полминуты никто не ответил, я сунул голову в квартиру и огляделся. Никаких подсохших кровавых пятен, никаких тел, валяющихся там и сям. Можно погодить звонить в 911.

Я прислушался, ища чутким ухом звуки человеческой активности – ну там стоны боли или удовольствия, но расслышал только тихое гудение кондиционера. Поэтому я позвал погромче:

– Э-эй, люди!

Тишина. Я всерьез испугался, что живых в квартире уже нет, и вошел. Надо же, планировка в точности как у меня, но в обстановке ничего индивидуального, никаких безделушек и фоток, отчего квартира кажется безликой, вроде подготовленных к продаже домов. Всюду чистота и порядок – гостья-то, получается, Боумена не ограбила, да и признаков измены тоже нет, хотя их уместнее искать в спальне, где обычно занимаются грязными делишками.

Я рявкнул:

– Эй, люди! – Но ответа не получил, поэтому двинулся к спальням. Я уже прошел полкоридора, когда дверь распахнулась и вышла вчерашняя баба – вроде без телесных повреждений. Только что после душа, завернутая в два полотенца (второе на башке). Выглядела она получше – не как чокнутая на взводе, а уже больше как... секс, завернутый в черную махру. Спортивная, но с формами – идеальное сочетание женственности и силы. Не какая-нибудь хрупкая, воздушная, ветерку послушная... Я подавил невольное раздражение на себя.

– Это что за... – пролепетала девица при виде меня.

– У вас дверь открыта, – я успокаивающе выставил ладони и оторвал взгляд от края нижнего полотенца, щекотавшего сверху ее очень голые бедра. Если бы она и руки подняла, мне было бы на что заглядеться.

Незнакомка ухватилась за кромку полотенца, поддержав его повыше. Несмотря на все мои усилия смотреть ей в лицо, взгляд самовольно метнулся вниз – проверить, не сверкнула ли чем девица. Я даже не понял, остался я разочарован или нет, что не сверкнула.

– И ты приперся подглядывать за мной в душе? Ты что, совсем на голову больной? – заорала девка, рубя воздух свободной рукой.

Я тут же посмотрел ей в лицо.

– Я не подглядывал, я два раза стучался и три раза здоровался. Говорю же, дверь входная нараспашку, вот я и решился заглянуть, нет ли здесь мертвых тел, которые надо вывозить, пока не завоняли.

– Мертвых тел? – Девица скривилась. – Это мне снится? – Она мелко затрясла головой и замахала ладонью, будто пытаясь стереть мои слова или меня самого. – Знаешь, что? Ладно, неважно. Тебе точно надо к специалисту. Убирайся, пока я полицию не вызвала!

Елки, а она быстро заводится! Хотя я согласен – пожалуй, ей неприятно присутствие мужчины в квартире, пока она голая и в полотенце.

Я приподнял руки в знак покорности и сделал несколько осторожных шажков назад, чтобы девица в самом деле не кинулась к телефону, но решил вставить шпильку на прощание:

– Это я должен полицию вызывать! Заявилась посреди ночи, устроилась тут, как дома! Я, между прочим, знаю человека, который тут живет, и он сейчас в отъезде!

Я малость блефовал – я не в курсе, где Боумен проводит выходные. Скорее всего, притаился сейчас в одной из комнат и дышит через раз.

– Да как ты... – девица махнула рукой, как саблей, и пошла на меня, а я отступал к дверям. – Я тебе не обязана ничего объяснять, слышишь? Это ты ворвался в мою квартиру!

– Квартира не твоя, – поправил девицу я и чуть не сшиб лампу с тумбочки, идя задом по гостиной.

– Господи, да мотай уже отсюда! Я в одном полотенце, не видишь, что ли? Трупов тут нет, разуй глаза! – По-прежнему наступая на меня, девица жестом обвела полупустую комнату, где царил идеальный порядок.

– Может, ты улики смывала! – не унимался я, не зная почему. Не то оттого, что девица так возбудилась, или просто противно стало, что строивший из себя правильного Боумен на поверку оказался обыкновенной свиньей. – С кем ты тут уединилась?

– Ни с кем, я одна, как вче... – Она зажала рот ладонью и тут же поправилась: – Но я жду гостей, они уже поднимаются на лифте. А ну, убирайся!

Я переступил порог и оказался в общем холле.

– Я проверял, жива ли ты и не истыкали ли тебя ножом. Я не собирался как-то воспользоваться тем, что ты одна.

– О, это ты еще вчера ясно дал понять замечанием про чучундру. Спасибо, что напомнил, – девица пихнула меня в плечо, на этот раз агрессивно, и я

притворился, будто спотыкаюсь и пячусь. – Как вообще дверь оказалась открытой? Я вчера заперлась сразу после того, как ты прекратил меня оскорблять!

– Ты себя вчера видела? Королева помойки!

– Заткнись уже, а? – крикнула она и толкнула меня чувствительнее. Надо признать, сильная для такой малявки.

На этот раз я попятился по-настоящему и врезался в край стеклянного стола. Огромная ваза с цветами закачалась, но, к счастью, устояла: неохота объяснять секьюрити про груды битого стекла и черепков. Я выпрямился и провел рукой по груди – девка в полотенце, как завороченная, проследила за моим движением голодными глазами. Может, она и в самом деле хоккейная шлюшка?

– Это мне вместо спасибо за то, что я убедился – тебя не пришили?

– Штаны себе купи! – крикнула она, захлопывая дверь, которая, однако, не закрылась, а отскочила. – И рубашку! – Девка показала мне средний палец и снова грохнула дверью. Дверь издевательски распахнулась снова.

Я улыбнулся и помахал вновь появившейся на пороге незнакомке. Полотенце свалилось у нее с головы, открыв спутанную копну длинных... бледно-розовых волос! Вчера на ней была какая-то шапчонка, поэтому я не разглядел.

Девушка потянулась к ручке двери, и второе полотенце скользнуло вниз по телу. Я успел заметить неплохие стоячие груди, прежде чем дверь хлопнула в третий раз.

– Нормально тебе сиськи сделали! – крикнул я.

Дверь напротив снова приоткрылась, и из узкой щели появился средний палец.

– У меня все свое, придурок!

Дверь хлопнула и на этот раз осталась закрытой.

Слишком темпераментная девица для Боумена. Жаль, что у меня моральные принципы.

А то бы я с ней замутил.

Глава 3. Придурки и К?

Стиви

– Во козел! – сказала я, обращаясь к своим грудям, опустив руку, раз отпала необходимость защищать соски от визуального покушения. Несмотря на его габариты и абсолютную незнакомость, я не ощущала особого страха и опасений от неожиданного появления в квартире верзилы-соседа. Может, из-за его дурацких труселей? В любом случае грудь у меня полностью своя и при этом очень даже ничего. Каждый бойфренд, с которым я доходила до второй фазы, влюблялся без памяти в мою грудь (правда, бойфрендов у меня не полк, потому что я не такая). Короче, у меня классные груди и соски – парни отчего-то пялятся на них как замороженные... Я приплюснула лицо к двери, проверяя в глазок обстановку. Вчерашний козел так и стоял в холле с идиотской улыбкой на физиономии. Почесав ляжку возле самых причиндалов, он что-то пробормотал (я не расслышала) и поперся к себе. Я невольно оценила его великолепный зад и потрясающе накачанную спину.

Несправедливо, чтобы такой дебильный характер созрел в столь красивом мужском теле! Болван сосед нагнул, поднял газету и скрылся за дверью.

Одевшись, я посмотрела, что есть поесть в кухонных шкафчиках. Оказалось, буквально ни крошки, если не считать пачку лапши и четыре чайных пакетика. Таким образом, отложить поход в магазин не представлялось возможным. Мне абсолютно не хотелось никуда идти, но делать нечего.

Я уже готова была выйти из квартиры, когда в сумке ожил телефон. Джоуи без перерыва слал мне сообщения с той минуты, как я застала его с членом в чужой вагине. Содержание эсэмэсок было типичной фигней тупо спалившегося: прости меня, малышка, я нечаянно, я случайно, это ничего не значит, мы с тобой все

уладим.

Ну, допустим, уладим, а дальше что? Достаточно мне будет уехать к маме или Кайлу в Лос-Анджелес, и я буду как на иголках, гадая, чем занят Джоуи и верен ли он мне. Я отчетливо представляла себе дальнейшее развитие событий, и все расклады для меня оказывались не к лучшему. Мне будет просто стыдно за себя, если я сойду с Джоуи после того, как застала его в интересной позе на ком-то еще. Зато я, похоже, определилась, что я прощу, а где с меня достаточно.

Я с облегчением выдохнула, увидев высветившееся на экране мобильного имя брата.

– Привет, – включив громкую связь, я уселась на диван.

– Как ты с утра? Вчера нормально вошла? – Почти родительская опека Эр Джея умиляла, но и раздражала, потому что я еще не пила кофе.

– Я прекрасно. – Это, конечно, ложь, но правда потребовала бы целой сессии психотерапии, поэтому ни Эр Джей, ни я не стали будить лихо. – Насчет хитрого замка ты был прав, но я разобралась. Мужик напротив решил, что я пытаюсь вскрыть квартиру.

– Какой мужик?

– Ну, такой, накачанный, – накануне я не разглядывала номера квартир, и сейчас мне было лень подниматься и идти смотреть.

– Вообще там соседи в чужие дела не лезут, но если тебя будут допекать, сразу говори, я разберусь.

– Ничего, я действительно устроила шум посреди ночи, когда несколько раз неправильно набрала код, – я не стала описывать, как здоровенный сосед Эр Джея оскорбил меня, а сегодня утром еще и ворвался в квартиру: только разборка брата с соседом мне не хватало.

– А как этот негодяй, твой бывший? Звонил?

– Эсэмэски пишет. Я не отвечаю. – Я сменила тему, когда глаза предательски защипало: – Где тут поблизости продуктовый и какое-нибудь кафе?

Можно было заказать доставку еды через «Убер», но это окончательно истощило бы мои и без того скудные средства.

– Кафе на первом этаже, магазины в соседних зданиях. Прости, что на кухне пусто, но ты же можешь заказать доставку, консьерж все поднимет на этаж.

– За это полагается давать чаевые, не правда ли? Да и зачем набивать холодильник, я съеду отсюда, как только что-нибудь подыщу.

– Не надо куда съезжать, я уже все утряс с руководством.

– Точно? – Мне не хотелось сидеть на шее у брата, но альтернативой были спешные поиски новой квартиры и оплата жилья из своего кармана, что отнюдь не смягчило бы мне стресс.

– Абсолютно. Я тебя прикрою, сестренка. И не заботься, чем платить за доставку. Моя карта есть у них в системе, сброшу тебе свой логин и пароль, закажешь все что нужно.

– Ты и так приютил меня в квартире со всей обстановкой, не хватало, чтобы ты меня еще и кормил! – Мне было неловко, что в двадцать четыре года я пока себя не обеспечиваю, притом что Эр Джей с двадцати лет зарабатывает миллионы. Быть выпускницей универа означало, что мой банковский счет останется пуст, пока туда не капнет зарплата от первого в жизни работодателя. Из плюсов – и зарплата, и компенсации очень хорошие. Из минусов – я буду работать в той же клинике, что и мой бойфренд-изменник.

– Не волнуйся о деньгах, ты еще даже не начала работать. Позволь мне помочь, мне по силам позаботиться о родственниках.

Возразить было нечего – Эр Джей зарабатывает одиннадцать миллионов в год, а влезать в долги по карте мне не надо, поэтому я уступила. Забавно, как слава и деньги моего брата могут быть одновременно и благом, и проклятьем.

* * *

Остаток выходных прошел среди неотвеченных эсэмэсок и голосовых сообщений Джоуи, нескольких пинт «Бен и Джерри» (какое счастье, что провизию можно покупать онлайн!) и полдюжину коробок бумажных носовых платков. К вечеру воскресенья загулявший на Аляске второй чемодан еще не нашелся, но я заказала экспресс-доставкой целую кипу одежды (благовослови, Боже, кредитку моего брата): теперь мне хоть не придется выходить на работу голой.

Утром в понедельник внутри у меня все сжималось. От нервов я не могла проглотить ни крошки, поэтому положила ланч с собой, налила кофе в дорожный стакан и проверила, при мне ли кредитка, прежде чем обулась. На коврике перед дверью лежала газета. Я удивилась, но пинком отправила ее в квартиру – может, это комплимент от магазина или службы доставки.

Едва я закрыла квартиру, дверь напротив распахнулась, и в холл шагнул мой болван-сосед. Как и в первый раз, он был в одних трусах, на этот раз в черно-белую клетку. Карман для пениса пересекали разнообразные флаги, а поперек причиндалов тянулась надпись «Финишная черта». Клянусь, физически невозможно было не смотреть на этот пах! Я заставила себя поднять глаза на досадно красивое лицо, пройдясь взглядом по раздражающе идеальному прессу.

Сосед при виде меня замер, оглядев мои свободные спортивные брюки и простую рубашку-поло с молчаливым осуждением. Наверное, так же смотрела на него и я, только в его взгляде было меньше вождения и больше пренебрежения. Заметив рюкзачок, верзила скривил губы в презрительной усмешке.

– Ты еще и студентка? – это прозвучало так, будто он угадал во мне носительницу какой-то трудноизлечимой болезни.

Я повела бровью и смущенно поправила лямку. В принципе, я могу разориться на приличную сумку, но рюкзаки полезнее для осанки, они правильнее распределяют вес.

– Тебе тоже доброе утро, – бросила я и пошла к лифту, не глядя больше на соседа. Ну и гад!

Я обрадовалась, когда лифт открылся почти сразу, шагнула в кабину и нажала кнопку первого этажа, сдерживая желание проверить, стоит у себя на пороге невоспитанный козел или нет. Не сдержалась я за полсекунды до того, как дверцы сомкнулись. Козел почесывал живот ниже пупка и выше резинки трусов. Я возмущенно вытаращила глаза и с облегчением выдохнула, когда лифт поехал вниз.

Интересно, в чем проблема у этого верзилы? Да, я шумела позавчера ночью, но чего так неприязненно цепляться ко мне? Ладно, плевать, мне с ним не целоваться. Даже здороваться необязательно.

До работы я добралась автобусом и, к счастью, без приключений. Клиника находится на границе учебного городка. Новый медицинский центр, для которого набирали практически весь персонал, открылся не в последнюю очередь потому, что в Сиэтле сформировали свою сборную. Создайте в городе хоккейную команду, и тысячи студентов сразу хлынут в профессиональный спорт и будут лезть из кожи вон.

Я могла воспользоваться связями Эр Джея и поступить в престижную клинику, где работают с профессиональными командами, но я хотела, чтобы меня взяли по моим заслугам, а не ради известности моего брата.

Я физиотерапевт и реабилитолог, университет окончила первой на потоке. Это вкупе с блестящими рекомендациями преподавателей, расположением новой клиники и удачно пройденным собеседованием обеспечило мне место врача, и просить Эр Джея не понадобилось.

И вот я в первый раз приехала на работу, молясь про себя, чтобы не наткнуться на Джоуи и не разреветься. Начинать на два месяца позже его даже хорошо – не будет отираться рядом во время инструктажа. Клиника большая, больше ста специалистов – физиотерапевты, массажисты, акупунктурщики, мануальщики, есть даже спортивный врач (!) и целая орда личных тренеров (в их числе Джоуи). Я надеялась, что размеры медцентра позволят мне пересекаться с бывшим режиссером (в идеале – никогда), тем более что я в отделении физиотерапии.

Я приехала за двадцать пять минут до начала, отметилась на входе, взяла документы по инструктажу и присела за один из пустых столов в аудитории для семинаров. Странно было находиться в университете уже не в качестве

студентки.

Постепенно места вокруг заполнялись нервными, взволнованными молодыми людьми. Я не интроверт, но в незнакомой обстановке, когда я никого не знаю, кроме неверного экс-бойфренда, мне неспокойно.

Рядом присели две девушки приблизительно моего возраста – одна высокая и гибкая с ультракороткой стрижкой, другая низенькая и крепенькая, спортивного типа, с длинными волосами, собранными в хвост. Мы поздоровались и познакомились. Они оказались двоюродными сестрами: высокую звали Джулс, а спортивную Патти.

Телефон на столе вибрировал от новых сообщений, которые я замучилась проверять. Эр Джей утром пожелал мне удачи, мама и Кайл – тоже. Я опустила телефон в рюкзак, чтобы не отвлекал, но еще успела заметить на экране переименованный контакт Джоуи – «Мешок дерьма». Последнее смс, пришедшее несколько секунд назад, было коротким: «Подними голову!»

Меньше всего мне хотелось видеть его поганое лицо. Не поднимая головы, я рассеянно листала брошюру.

– Стиви! Эй! Оглянись! – оглушительно зашипел Джоуи с конца ряда.

– Да блин же горелый... – пробормотала я.

– Ты его знаешь? – шепотом спросила Патти.

– К сожалению, да.

Я не поднимала головы, твердо решив не подавать бывшему и тени надежды.

– Пст, Стиви! – слышалось у меня над ухом. Взглянув на Патти, я спросила одними губами: «Он сзади?»

Она слегка кивнула.

Стоявшая перед аудиторией миниатюрная женщина, состоявшая, казалось, исключительно из мышц, поглядела куда-то мимо меня и с раздраженной складкой губ громко спросила:

– Мистер Смак, вам нужен дополнительный инструктаж? Вы поэтому почтили нас своим присутствием?

Да-да, фамилия Джоуи – Смак. Как говорится, не в бровь, а в глаз.

Все присутствующие в аудитории обернулись, и я оказалась готовым вариантом для его ответа. Щеки у меня запылали.

Рука Джоуи, та самая, которая хлопала по голому заду неизвестной мне пассии, опустилась мне на плечо:

– Я только зашел поздороваться с моей...

Я не поверила своим ушам. Ярость затопила всякое смущение, и я, незаметно опустив руку, с силой ткнула его в ляжку концом ручки.

К чести Джоуи, он лишь поперхнулся и почти не взвизгнул, закончив фразу кашлем и словом:

– ...знакомой.

В аудитории стало так тихо, что можно было услышать, как упадет булавка. Я готова была провалиться сквозь землю, попутно одолев пол и фундамент.

– Оставьте дружеские визиты на вне рабочее время, мистер Смак!

– Да, мэ, простите, мэ... Ты не можешь постоянно меня избегать! – прошипел он мне, похромал по проходу и скрылся в коридоре, чуть подволакивая ногу.

Дождавшись, когда за Джоуи закрылась дверь, инструктор перешла к делу, будто ничего и не случилось. Под «делом» я разумею растапливание льда и снятие неловкости. Мы будто снова оказались в старшей школе, когда нас заставили участвовать в играх. Мне стало почти неловко за полное отсутствие

энтузиазма у аудитории по контрасту с активностью самой лекторши. Она поручила одному из молодых специалистов, сидевшему в первом ряду, тянуть карточки из шляпы с высокой тульей, а нам велела выкрикнуть первое, что придет в голову, когда зачитают вопрос. Сотрудники, у которых ответы лягут в одной плоскости, будут сегодня работать вместе.

– Какая еда представляет собой абсолютное табу на первом свидании? – уныло прочитал несчастный парень, вытянув карточку.

В аудитории слышались крики:

– Чеснок!

– Лук!

Я заорала громче, чем необходимо:

– Колбаса!

Рядом Патти одновременно закричала:

– Хот-дог!

– Член!.. То есть банан, я хотела сказать – банан! – не отстала от нее Джулс.

И с этого мгновения я перестала сгорать со стыда сильнее всех присутствующих и одним махом нашла свою рабочую группу.

Глава 4. Кто кого перетрусит?

Стиви

После инструктажа Патти и Джулс пригласили меня на ужин, но я уже обещала Эр Джею приехать к нему праздновать прошедший день рождения и поступление на работу, поэтому ужин мы перенесли. Но я согласилась выпить по бокалу, потому что с полученными заданиями мы справились раньше намеченного. Оказалось просто здорово сразу найти подруг, потому что Джоуи явно вознамерился не давать мне проходу, судя по количеству наших встреч за день.

К пабу за мной и подъехала моя невестка Лейни.

Коди, мой племянник, замысловато пристегнутый в детском сиденье, неугомонно болтал на неразберимом наречии, лупя друг по дружке двумя мягкими хоккейными шайбами.

– Иви! – завопил он, когда я села во внедорожник.

Я извернулась на пассажирском сиденье и пощекотала ему ножку, с которой слетел ботиночек.

– Привет, привет! Ого, какой ты стал большой! – я обняла Лейни. – Спасибо, что приехала за мной в такую даль.

– А мы все равно ездили по делам, что ж тебе на автобусе тащиться... – Лейни сморщила нос. Она не большая поклонница общественного транспорта – не оттого, что считает автобусы ниже своего достоинства, просто у нее фобия толпы и замкнутого пространства.

Лейни спросила, как прошел первый рабочий день и не наткнулась ли я на негодяя, недостойного упоминания. Я отвечала уклончиво – в основном потому, что от этой темы начинало предательски щипать глаза.

В доме брата я играла с Коди, пока Лейни готовила ему ужин. А потом я усадила малыша на высокий детский стульчик и смотрела, как парень запихивает еду за обе чудесные круглые щеки.

Лейни заговорила о предсезонных тренировках – безопасная почва для разговора, да и Эр Джей сейчас как раз ими и занят. Невестка не оставляет

попыток вытащить меня на матч, но я, хотя люблю и брата, и хоккей, не посещаю игр с его участием.

Когда Эр Джей стал знаменит, к нему кто только не пытался подобраться, и все через меня. Играть в новой сборной в таком городе, как Сиэтл, – это немало, поэтому мне проще держаться своей компании, пока не уляжется ажиотаж начала сезона, а уже потом задумываться о том, чтобы приходить на матчи. Я люблю брата и не завидую его успеху, но косвенно это доставляет мне неудобства, и порой я поддаюсь комплексу бездарной младшей сестры.

Лейни бросила на меня лукавый взгляд:

– В команде Эр Джея ребята как на подбор. Я знаю, ты не готова с разбегу прыгать в бассейн новых отношений, но там немало примерно твоих ровесников, у которых пока нет девушки.

– Спасибо, но меня абсолютно не привлекает перспектива встречаться.

– С кем? – тут же переспросил Эр Джей, входя в кухню.

– С игроками твоей команды, – отозвалась я.

– О них можешь сразу забыть, – мой брат двинул бровью.

– Эр Джей! – Лейни треснула лопаткой по столу в дюйме от пальцев мужа. Эр Джей выставил обе руки:

– Эй-эй, я не в том смысле, что тебе до них далеко! Ты, Стиви, чересчур хороша для всяких там свиданий.

– Как это понимать? – не выдержала я. Никто не может меня упрекнуть в излишней доступности. Эмоционально я легко привязываюсь и считаю это своим недостатком, поэтому не прыгаю в койку с парнем сразу после знакомства, чтобы потом не страдать и не мучиться, если отношения не сложатся.

Эр Джей обнял меня сзади, как большой уютный медведь.

– У тебя же фамильные ямочки Боуменов, Стиви. Бьют противоположный пол с налету и насмерть. Скажи, Лейни?

Невестка невесело кивнула:

– Да, перед этими ямочками трудно устоять... Стиви, мне кажется, твой брат довольно неуклюже пытается сформулировать, что ты очень хороша собой, но он незамедлительно включит старшего брата перед любым игроком сборной, который осмелится положить на тебя глаз.

К счастью, до конца вечера мне больше не предлагали закрутить с хоккеистами. Брат осыпал меня экстравагантными подарками и презентовал мой любимый торт, но я немного повеселела, лишь когда укладывала Коди спать. Уже к ночи брат отвез меня в свой служебный пентхаус.

– Хочешь, я помогу вытрясти из говноложца половину аванса за ту квартиру? – спросил Эр Джей.

Каждое упоминание Джоуи у моего брата выходило все более изобретательно-оскорбительным.

– Я и сама могу, – я улыбнулась, но улыбка вышла нерадостной.

– Да, но какая необходимость? Меня выворачивает при мысли, что тебе приходится переживать. Слушай, переезжай к нам!

– Гм... Очень любезно с твоей стороны, но такого не предлагают, не посоветовавшись сперва с женой.

– Уже посоветовался. Гостевой домик можно превратить в отдельное комфортабельное жилье, у тебя будет практически своя квартира.

Мысль не оставаться одной подкупала, но от дома Эр Джея до клиники добираться минут сорок, а машины у меня нет. Не хватало еще, чтобы брат и машину мне покупал!

– Спасибо, Эр Джей, от всего сердца, но вы все же новобранцы. Конечно, у вас ребенок и вы живете вместе уже год, но Лейни говорила, вы намерены подарить Коди братика или сестричку, так что нечего мне путаться у вас под ногами.

– Ну, мы же не на обеденном столе второго заделываем...

– Все равно. И не надо так откровенно, кстати! Пентхаус близко к моей работе... Или что-то изменилось и мне надо освободить квартиру? – в панике спросила я.

Я скорее потерплю верзилу-соседа и его немыслимые труселя, чем стану срочно подыскивать жилье: ведь тогда придется заводить разговор с Джоуи о возвращении половины суммы, внесенной за нашу квартиру. Рано или поздно я этим займусь, но я не против пару недель отдохнуть и прийти в себя.

– Ничего не изменилось, пентхаус твой на весь сезон.

– Фу-ух, слава богу... Давай я буду тебе платить?

– Ни под каким видом! Пентхаус мне положен по контракту и стоял бы пустым, так что живи сколько хочешь... – Эр Джей остановился у моего временного дома, переставил передачу на паркинг и включил аварийку: – Тебя проводить?

– Не надо, я сама... – я обняла брата, дотянувшись сбоку. – Спасибо за ужин и за роскошные условия! – кивнула я на кондоминиум, выбираясь из машины.

– Не за что. Если передумаешь и понадобится тряхнуть этого урода, только скажи, он у меня живо штаны обгадит!

– Еще раз спасибо.

Я воспользовалась картой-ключом, чтобы войти в подъезд, потом с ее помощью вызвала лифт и с полными подарков руками поехала на верхний этаж. Я люблю брата, который не дает меня в обиду и рвется заменить мне папу, погибшего несколько лет назад. Мне-то больше нужен старший брат, а не суррогат отца, но я не знаю, как ему сказать и не обидеть.

Лифт тренькнул, остановившись на уровне пентхауса, дверцы разъехались, и я увидела, как из квартиры засранца-соседа вышла девушка: мало что прикрывавшее черное платье облегалo ее как вторая кожа, длинные волосы спутаны, на щеках яркий румянец недавнего оргазма. М-да, верзила тот еще ходок. Ходячая, говорящая, волочащаяся карикатура на мужчину, меняющая дам каждую неделю.

– О, подождите меня! – крикнула девушка, идя по холлу походкой от бедра. Не знаю, зачем мне придерживать для нее лифт – им в здании пользуются всего несколько человек, но я с улыбкой ответила: «Конечно», и поднесла ладонь к фотоэлементу. – Спасибо!

Я вышла на площадку, а модельной внешности незнакомка вбежала в кабину и с одобрительной улыбкой на губах без помады окинула меня взглядом.

– Надеюсь, у тебя будет такая же хорошая ночь, как у меня! – Она подмигнула, исчезая за сомкнувшимися дверцами.

Я мысленно показала средний палец двери напротив, досадуя, что при таком отвратительном характере верзила не обделен женским вниманием. Я мстительно подумала, что у него наверняка крошечный пенис, но «модель девушки» казалась слишком довольной, чтобы это предположение соответствовало истине.

* * *

За следующую неделю через пентхаус невоспитанного соседа прошла целая стая девиц. Я и на него самого дважды натыкалась по утрам. Хотя «натыкалась», пожалуй, не совсем подходящее слово: я уходила на работу, а сосед подгадывал этот момент, чтобы появиться на пороге в очередных фриковых труселях. По-моему, он гордо афишировал тот факт, что на его джойстике прыгают модельки одна другой лучше. По крайней мере, у меня сложилось такое впечатление. Мы хранили гордое молчание, обмениваясь насмешливыми взглядами, поэтому это все только мои догадки.

Прожив в пентхаусе две недели, я начала разбираться в секс-логистике невоспитанного соседа: блондинка, появлявшаяся у него по средам, видимо,

значилась как «среда – маленькая суббота». А однажды я, войдя к себе, задержалась в прихожей, перебирая принесенную почту, когда в холле послышался женский голос. Я припала к глазку.

Верзила-соседа видно не было, зато к лифту с телефоном в руке спешила миниатюрная брюнетка. Меня просто взбесило, что этот засранец трахает кого, блин, хочет и когда хочет и никто из его пассий не возражает. Может, он им платит? Это бы что-то объяснило. Слишком уж он неприятен в общении, чтобы под него ложились без компенсации.

На третью неделю у нас сложился своеобразный порядок: по вторникам и четвергам козел-сосед забирал утреннюю газету, как раз когда я уходила на работу, и непременно вылезал в холл в одних трусах. По средам и пятницам газет на стеклянном столе уже не было – я в эти дни начинала работу позже.

В очередной четверг я, прильнув к глазку, ждала, когда покажется сосед: мне хотелось понять, случайно мы встречаемся или нет. Минуты шли, но дверь напротив оставалась плотно закрытой, пока я не открыла свою. Однако я не стала перешагивать порог, а отпустила дверь, предоставив ей захлопнуться. А на пороге квартиры напротив возник сосед во всей своей голой накачанной красе и невообразимых шортиках психоделической раскраски на чреслах.

Да что не так с этим парнем и его трусами?!

Он бросил взгляд на мою квартиру и, нахмурившись, поднял свою газету, после чего медленно закрыл за собой дверь.

Сегодня я решила малость поднять ставки, раз уж у нас затеялась некая игра. Не совсем понимая, в чем ее соль, я уяснила одно: верзила – эксгибиционист и законченный плейбой. Обычно к этому времени я уже бываю одета на работу, но сегодня я натянула спортивные шортики (укороченные, едва прикрывавшие ягодицы) и спортивный бюстгальтер, решив дальше не утепляться.

Будучи физиотерапевтом, я, естественно, поддерживаю форму. Формы у меня, кстати, имеются, но вообще я спортивная. Худенькие и хрупкие девушки прекрасно выглядят на журнальных разворотах, но я ни за что не расстанусь ни с одним дюймом любого из своих изгибов.

Как всегда, сосед открыл свою дверь ровно в семь ноль три (кроме того раза, когда я нарочно дотянула до пяти минут восьмого), а я распахнула свою. На этот раз верзила облачился в трусы с гавайским принтом.

Он покосился на меня – и самодовольная улыбка сползла с его физиономии. Удивительно приятно было видеть, как глаза у него полезли из орбит и чуть не выпали на пол. Я слегка изогнулась, давая возможность оглядеть меня сзади, и наклонилась поднять газету с коврика. Откровенная попытка его подразнить (так же, как он дразнил меня), судя по отвисшей челюсти соседа, оказалась засчитанной.

Я снисходительно улыбнулась ему и бросила:

– Прикольные штанцы.

На этом я вернулась в безопасность своего пентхауса и припала к глазку – поглядеть на реакцию верзилы.

Он так и стоял столбом, приоткрыв рот, затем провел рукой по груди и что-то поправил в паху, прежде чем медленно нагнулся за газетой, не сводя взгляда с моей двери. Что-то пробормотав себе под нос, он удалился, несколько раз обернувшись.

– Не встанет, значит, на чучундру? – торжествующе прошептала я и впервые за три недели поехала на работу с улыбкой.

Глава 5. Как добрые соседи

Бишоп

Обычно я с нетерпением жду предсезонных тренировок, но сейчас происходило нечто противоположное. Всю свою карьеру я играл форвардом. Пусть я крупный, больше остальных форвардов в команде, но я быстрый и умею забросить шайбу в ворота. Поэтому я взвился до потолка, когда Боумен и наш тренер Алекс

Уотерс перетерли между собой и задвинули меня из форвардов в защиту.

Я и так сильно недолюбливал Боумена с его дебильными перестановками на льду и фальшивой позицией «я такой в доску свой и хороший», а теперь он мне вообще играть не даст? А еще эта девка, поселившаяся в его пентхаусе! Что у него там творится?! Блин, как это выводило меня из равновесия! Хотя, честно говоря, меня в последнее время бесило решительно все.

Я спустился на первый и уже шел к выходу, когда спохватился, что мои любимые предначалосезонные трусы остались на кухонном столе, куда я их бросил. Я подумал, не поехать ли в тех, которые на мне, но внутренне возмутился: нижнее белье для меня – это святое.

К счастью, лифт так и стоял на первом этаже, поэтому меньше чем через две минуты, запихнув любимые трусы в спортивную сумку, я снова вышел из квартиры. Лифт оказался открытым, и в нем во всей своей розововолосой красе стояла любовница моего одноклубника.

Она снова натянула свои тряпочки в стиле «мне нравится делать вид, что я занимаюсь спортом» и отправилась небось на лекцию по психологии, откровенно плюя на тот факт, что разбивает чужую семью. Ладно, плевать. Мне от этого ни холодно ни жарко.

Завидев меня, девица начала энергично тыкать в кнопку первого этажа, но я успел просунуть ладонь, и дверцы разъехались.

– Спасибо, что подождала!

– А, да, пожалуйста, – снисходительно усмехнулась она и отодвинулась в самый угол.

И вот я оказался в плену маленькой стальной коробки с тысячей отражений розововолосой девицы и впервые разглядел ее вблизи. Когда она не такая взбаламученная, как в первое появление, я готов признать, что она ничего. Даже очень ничего. Я даже рискну утверждать, что она красивая и хорошо пахнет, что прискорбно, учитывая род ее занятий и у кого она живет.

Я пока не пересекался здесь с капитаном Боуменом, но, может, он наведывается в разное время или они с розововолосой мур-мур где-нибудь еще. Не пойму, чего я так кипячусь – должно быть, бесит подобная распушенность, да и девица разбудила меня посреди ночи своим грохотом. Ночной отдых для меня тоже святое.

– На лекции разоделась?

Если Боумен потрахивает студентку, мне ее жаль: наверняка он ей чего-нибудь наплел и навешал лапши.

Девка с усмешкой полоснула меня взглядом – будто два ножа вспороли мне кожу:

– А тебе-то как идет одежда!

Заалевшие щеки и мочки ушей свидетельствовали, что я ее смутил.

Я прислонился к поручню и уставился на ее профиль. Да, я веду себя как скотина, причем нарочно. Девица не коснулась волос и не одернула свои тряпочки, что похвально, учитывая, как я сверлил ее взглядом. Челюсти у нее сжались, ноздри раздулись. Вот сейчас последует реакция – три, два, один...

Она резко повернулась ко мне. Глаза горели гневом.

– Да что за фигня, как при такой поганой натуре ты умудряешься привлекать женщин? Я отказываюсь это понимать! Разве что они все идиотки с размягчением мозга и заклеивают тебе рот скотчем на время секса! – Девица наклонила голову, будто обдумывая такую версию, и кивнула: – Наверняка так и есть. Такой вариант вполне возможен.

– У тебя буйный бред?

Неужели она фантазирует насчет того, чтобы заклеить мне рот скотчем и вволю на мне напрыгаться? Что в этом сексуального-то?

– Это у меня бред?! – Ее брови – очень светлого оттенка каштанового, почти русые – взмыли к волосам. Девка показала на меня и обвела рукой лифт: – Я говорю о бесконечной ротации баб, косяком идущих через твою квартиру! Устроил тут бордель, блин!

– Тебе лучше знать, – парировал я.

Девка скорчила гримаску, вроде бы недоуменную, но она сменилась делано презрительной улыбкой:

– Одна и та же женщина приходит к тебе по средам, плюс еще минимум четыре красотки в разные дни! Это ж додуматься надо такое вытворять!

Похоже, пора побеседовать с братом насчет его суперактивной половой жизни. Его тактика по затаскиванию в койку девиц не самая честная, но ближе Нолана у меня никого нет, он мой лучший друг, и я ему многое прощаю.

Меня не особо волнует, если у него по одной бабе на каждый день недели, лишь бы мне не наткаться на них в кухне утром, когда они, напялив футболку Нолана, начинают выпрашивать у меня автограф или делать другие, еще менее уместные предложения. Так уже бывало, и не раз.

К тому же во время матчей я здорово парюсь под нашей формой, поэтому у себя дома хожу раздетым. А когда Нолан кого-то приводит, приходится надевать ненавистные футболки и шорты.

Я набрал воздуха в грудь и нечаянно вдохнул сладкий запах розововолосой. Мне сразу захотелось пирожного. Или маффины. Или секса. Давненько я не был в женщине, и меня просто бесило, что эту я нахожу привлекательной.

– Ути-пути, какие мы любопытные! Чего это тебя так интересуется активный досуг в моей квартире?

Кончики ее ушей пламенели ярче некуда, и розововолосая выпалила, захлебываясь от горячности:

– Мне все равно, кто ты и чем занимаешься, просто в среду я наткнулась на твою очередную подружку, фигачившую к лифту! Девушка хоть в курсе, что ты не только хам, но и ловелас?

Я скопировал ее снисходительную улыбку.

– По средам в квартиру приходит уборщица, но я рад, что ты ко мне неровно дышишь.

Прежде чем розововолосая успела что-нибудь ответить, дверцы лифта со звоночком разъехались.

Мисс Любопытство выскочила в холл и торопливо зашагала к выходу. Я коротко выдохнул, незаметно поправил брюки спереди и тоже вышел из лифта, повернув направо, в гараж. Я не совсем понял, выпустил я за разговором пар или нет, учитывая, как тело среагировало на близость этой девицы.

Непонятное настроение окончательно испортилось в спорткомплексе. Я заканчивал переодеваться, когда где-то в грудке сброшенной одежды зазвонил мобильный. Я не хотел отвечать – пусть включится автоответчик, но звонил, оказывается, брат. Когда я уходил, Нолан вроде еще спал. Режим дня брат не соблюдает, хотя из нас двоих как раз у него есть подобие расписания: он учится в колледже и подрабатывает неполный день.

Часто я даже не знаю, дома Нолан или нет.

– Чего тебе?

– Блин... Привет, Шип, я рассчитывал поговорить с автоответчиком...

– Я уже шел на лед. Ты норм?

Брат обычно не звонит просто потрепаться, тем более что он живет у меня.

– Да, все хорошо...

По голосу я понял – Нолан лжет.

– То есть ты мне звонишь оставить сообщение, что у тебя все хорошо?

– Ну, типа, да. Хотел сказать, что утром я поехал к врачу и могу малость задержаться, мне назначили дополнительные анализы. Ты там не волнуйся.

– Что?! И ты только сейчас мне звонишь? Сколько часов ты в больнице? Заранее записался или тебя приперло?

Я всегда отмечаю на календаре, когда Нолан записан к специалисту, и вообще-то подобные дни не забываю.

– Нет, я не записывался. Я недавно приехал.

Я еле сдерживался из-за того, что брат отвечает уклончиво. Нолан младше меня на пять лет и прожигает жизнь, будто бессмертный, а ведь его и здоровым назвать нельзя.

– Почему ты меня не разбудил?

– Потому что со мной ничего особенного.

– Сильно ничего особенного или как?

– Понимаешь, я проснулся и почувствовал себя как-то странно, и Саша меня подвезла до больницы... Или Сэнди? Веселая такая девчонка... Наверное, просто переработал вчера. Мне проверили основные показатели и назначили дополнительные анализы. Вроде дозу инсулина нужно корректировать... Я решил тебя предупредить – вдруг меня здесь задержат, чтобы ты не беспокоился.

– То есть тебя отвезла в больницу случайная знакомая, которую ты даже по имени толком не знаешь, а меня разбудить ты не удосужился, чтобы якобы не волновать? Ты когда вчера вернулся? И сколько же девок ты водишь, если уже и имен не запоминаешь?

– Брат, выключай папашу. Кому-то надо было меня отвезти, и уж точно не тебе. У тебя тренировки, тебе высыпаться надо. Клянусь, со мной ничего серьезного. Мне уже лучше.

– После тренировки я за тобой заеду.

– Зачем, я «Убер» вызову.

– Сбрось мне адрес больницы. Если тебя еще не отпустят, когда я освобожусь, я тебя заберу.

– Будешь мораль читать?

– А надо?

– Слушай, тут красивая медсестра подошла втыкать в меня иголки – такой крутой мазохизм... Тренируйся спокойно, Шиппи, – и брат повесил трубку, не дожидаясь, пока я на него вызверюсь. Ненавижу, когда меня называют этой кличкой.

– Все в порядке? – Райан Кингстон, больше известный как Кингстон или просто Кинг, убрал в свой шкаф аккуратно сложенные брюки.

Мы с Кингом играли еще в колледже, но доросли до профессионального спорта и оказались в разных командах. А в этом сезоне опять в одной. Здорово, когда среди кучки несыгравшихся горемык есть настоящий друг.

– Брат в больнице.

– Что-то серьезное?

Я пожал плечами – с Ноланом нельзя быть ни в чем уверенным. Заболевание у него серьезное, а самочувствие бывает разное.

– Он считает, нужно скорректировать дозу лекарства.

Кингстон надел хоккейный шлем:

– А ты считаешь иначе?

Я действительно считаю, что откорректировать нужно стиль жизни Нолана.

– Он всякий раз клянется, что все нормально, а когда прихватит, старается от меня скрыть.

Оттолкнувшись от скамьи, я встал, сгреб клюшку, шлем и перчатки и потопал за Кингстоном на лед.

Начали мы с разминки, и я старался не отвлекаться, но голова у меня, сами понимаете, была занята другим.

Если бы Нолан следил за собой, я бы так не дергался при новости о его внеплановом визите в больницу. К сожалению, брат живет каждый день как последний, притом что у него диабет первого типа с осложнением на почки и глаза.

С таким настроением трансплантация Нолану потребуетсся скорее раньше, чем позже. Даже если он вдруг превратится в паиньку и начнет тщательно беречься, ему все равно не избежать пересадки, а диабет первого типа – это целый список потенциальных осложнений, особенно если пациент манкирует лечением.

Я хочу, чтобы брат прожил подольше, но долгий век ему по-любому не светит, а Нолан еще и ни черта о себе не заботится.

Я вдоль и поперек изучил диабет этого типа и не один час провел в кабинетах врачей. Отец часто уезжал по работе, а если и был в городе, то с нами не шел. По специалистам мы ходили втроем – мама, Нолан и я.

Ее страховка покрывала самый минимум необходимого лечения, поэтому я решил эту проблему, взяв брата на иждивение и поселив у себя. Мне-то нетрудно, но с возрастом Нолану требуется все более серьезная врачебная помощь, и нужно откладывать деньги, которые я сейчас зарабатываю, чтобы и впредь достойно заботиться о брате.

Вот почему я мечтал стать капитаном команды – это дало бы мне преимущество, когда начнутся переговоры об обмене игроков. А дерганье меня то в защиту, то в нападение не шло на пользу ни моей игре, ни настроению.

Тренировался я рассеянno, поминутно тупил и лопухался, потому что не люблю играть в защите. К своему бешенству, я пропускал бросок за броском и волком глядел на Рука Боумена, который порхал по льду и забивал шайбы, словно у него не клюшка, а волшебная палочка.

Прозевав очередной легкий пас, я швырнул клюшку на лед – запальчиво и глупо, потому что сейчас мы одна команда и задача стоит сыгратьcя.

Боумен подкатил ко мне и положил руку на плечо. Со стороны это смахивало на дружеский жест, но приятельством здесь и не пахло.

– Не вымещай досаду на своих, Уинслоу. Может, тебе взять тайм-аут, посидеть и поглядеть, как играют большие парни?

Ага, вот под маской Капитана Америки и проступил истинный Боумен. Ясен пень, он был бы счастлив, если бы меня вообще не было на льду!

– Это ты меня так подбодрить решил, ка-пи-тан? Мне было бы проще играть на позиции, к которой я привык и годами тренировался!

– Чтобы центрфорвард тянул одеяло на себя? – Боумен приподнял бровь. – Решай свои проблемы не на льду!

– Хватит корчить из себя правильного! – огрызнулся я и стряхнул его руку с плеча.

Боумен нахмурился:

– Это о чем сейчас было?

Я покачал головой и отъехал к скамье, чтобы не сорваться на Боумена за его вечные подлянки. Я взял воды, чтобы не сказать или не сделать ничего такого, о чем после пожалею.

– Присядь, Уинслоу, – окликнул меня тренер Уотерс, похлопав по скамье рядом с собой.

Пылить с капитаном – одно дело, но выделяться перед тренером – другое. Я со вздохом потопал к Уотерсу и тяжело уселся рядом.

– Я не привык играть в защите, – признался я, глядя, как шайба играючи скользит между Боуменом и нападающим Бендером, до перехода в сборную игравшим за Колорадо.

– Это я вижу. – Когда Уотерс ничего не прибавил, я не утерпел и повернулся поглядеть на него. – У тебя какие-то проблемы?

Пришлось раскошелиться:

– Да так, семейное... Неохота углубляться.

Уотерс кивнул, вертя шайбу в пальцах:

– Привыкать к новой команде всегда сложно, особенно когда мы тебя ставим то в защиту, то в нападение, чтобы поглядеть, где от тебя больше толку. У тебя завидные габариты и универсальные способности, которыми тебе не терпится блеснуть, но нельзя же забрасывать шайбу и одновременно защищать свои ворота!

– Да это-то ясно, просто я никак не уложу в голове эту перемену.

– Понимаю, но ты давай старайся, Уинслоу. Все парни в одной с тобой лодке. Нельзя сбрасывать со счетов и психологический момент – непривычно выходить на лед с теми, с кем раньше не играл, но ты держи в голове – мы одна команда.

– Ну да, логично.

– Если захочешь поговорить, подойди ко мне. Я здесь для того, чтобы решать проблемы.

– Дошло, усвоил, усек. Спасибо.

Меня не интересовала сессия психотерапии с новым тренером, который с Боуменом не разлей вода.

Я снова вышел на лед, но сосредоточиться не мог. Скоро начинаются товарищеские матчи, нужно осваиваться на новой позиции. Только в запасные загреметь не хватало, чтобы меньше времени находиться на льду, – так я лишь отдаюсь от цели.

У меня с Сиэтлом двухлетний контракт, но меня могут обменять в будущем году, если я не проявлю себя в защите, где меня планируют мариновать. Обмен спустя всего год игры в сборной – это практически пятно на репутации, а это, знаете ли, разница – не получить другого контракта или вылететь в запасной состав низшей лиги. Такого я себе позволить не могу – у меня брат, который не сможет жить без дорогостоящего лечения. Нужно дать Нолану шанс, а для этого придется обуздать свой нрав, как бы трудно это ни оказалось.

Глава 6. Игры эксгибиционистов

Стиви

Хотя негодный сосед уличил меня в подглядывании, а я в ответ обвинила его в «непокобелимости», мы продолжили непринужденно выходить за утренними газетами почти а-ля натюрель. Градус напряжения несколько повысился (благодаря мне), и я даже не стану оправдываться, потому что увидеть соседа в одних трусах превратилось у меня в навязчивую идею. Настолько навязчивую, что я без принуждения вскакивала рано и по средам, чтобы не пропустить соревнование по забираанию газет в нижнем белье.

Пусть сосед у меня свинтус, но поглядеть у него есть на что. А раз он бессовестный кобель, я не чувствовала ни малейших угрызений совести за то, что рассматриваю его исключительно в одном качестве.

Последние несколько дней я нарочно нарушала сложившийся ритуал, но стоило в четверг выскочить за газетой на пять минут раньше обычного, как через полсекунды «кобелино» делал то же самое. На другой день я нарочно опаздывала на несколько минут, однако соседка будто у глазка караулил. Каждый день я щеголяла в разных спортивных бюстгальтерах и шортиках под стать его дурацким трусам и даже прикупила новых, чтобы было чем козырнуть перед этим любителем броских картинок (как я уже сказала, мои старания начинали походить на одержимость).

Уверена, это он решил так меня пристыдить за то, что я слежу, кто к нему ходит. Но тут уж извините: за две недели в пентхаусе побывали минимум пять девиц, и это не считая «уборщицы».

В пятницу мне вставать ни свет ни заря: у меня клиентка, которой крайне нужна физиотерапия, но на выходные женщина уезжает за город, поэтому я записала ее на пять тридцать. Стало быть, мне уезжать еще до того, как принесут газету.

Работа в клинике увлекала, как музыка. Патти и Джулс стали мне настоящими подругами, на которых можно положиться, и с Джоуи удавалось почти не общаться – большинство его клиентов записаны на день или вечер.

Если я абсолютно по нему не скучала. Джоуи, похоже, никак не мог смириться с новыми реалиями. Всякий раз, как мы оказывались одни в ординаторской (что, к счастью, бывало редко), он начинал меня обхаживать и заигрывать. Однажды он попытался меня обнять, но получил джеб по почкам, и поползновения к физическому контакту прекратились, как отрезало.

Сегодня наши графики идеально противоположны: когда у Джоуи «окно», я занята, а когда у меня перерыв, он кого-то тренирует. Точно я нарочно так подстроила, ей-богу.

Отпустив последнюю клиентку, я переоделась и взяла из шкафчика сумку, гадая, огорчился ли сосед-кобель из-за отменившегося утреннего показа мод. Завтра надо сделать все по первому разряду, чтобы компенсировать сегодняшний пропуск. Я улыбнулась своим мыслям, но улыбка растаяла, когда, обернувшись, я увидела Джоуи, подобравшегося почти вплотную.

– Привет, – он сделал странный, неловкий, якобы смущенный жест: сунул руки в карманы и легонько пнул меня в мысок. Ну просто старшие классы, да и только! Раньше мне это казалось очаровательным, но сейчас остро захотелось с силой пнуть Джоуи в голень и быть при этом в ботинках со стальным кантом. К сожалению, это тоже называется харассментом.

Забросив рюкзак на плечо, я попыталась обойти Джоуи. Он скопировал мое движение. Тогда я пошла в другую сторону, но он все равно загородил мне дорогу. Да что за идиотская кадиль?! Я подавила желание разорвать его на части и вздохнула:

– Чего тебе надо?

Джоуи прислонился к шкафам, нарушая мое личное пространство, потому что мой шкафчик последний в ряду и я оказалась почти прижатой к стенке.

– Мы уже сто лет не разговаривали по душам.

Я моргнула, но не ответила. Ну вот что на это скажешь?

– Может, сходим выпить кофе или чего-нибудь еще?

– Нет, не сходим, – я пожалела, что у меня нет суперсилы, позволяющей одолевая отвесные стены или высоко подпрыгивать, чтобы оказаться подальше от Джоуи, никак его при этом не коснувшись. Прошло уже несколько недель, но для разборок у меня по-прежнему не было ни сил, ни желания. Я не любитель конфронтаций, и я боялась, что расплачусь перед Джоуи, когда мы заведем разговор, а реветь на работе – последнее дело.

– Почему?

– Потому что ты грел свой член в не принадлежащей мне вагине.

Он скривился, точно его покоробил созданный мною образ.

Мне тоже не особо нравилась эта картина, но точности ей было не занимать.

– Да ладно тебе, Стиви! Нельзя же злиться на меня вечно!

Я выставила руку, так что ладонь оказалась почти вплотную к его лицу, и Джоуи отпрянул – наверное, испугался удара. Я и врезала бы, не будь я горячей противницей домашнего насилия. Впрочем, самозащита – дело иное.

– Во-первых, не смей командовать, как и что мне чувствовать и сколько мне злиться. Я считаю, что зря потратила год своей жизни, оставаясь твоей подружкой, и не собираюсь выбрасывать больше ни одной минуты, эмоции, энергии и тому подобного на общение с тобой.

– Пойми, я случайно совершил ошибку! – заканючил Джоуи без тени раскаяния.

– И сколько раз ты случайно ее совершал?

– Я же был один целых два месяца!

Ну теперь я хоть знаю, что это происходило неоднократно.

– Ошибка становится сознательным выбором, когда ты совершаешь ее больше одного раза. Надо было думать о последствиях, когда ты радостно ошибался.

– Детка, я понимаю, ты расстро...

– А, вот ты где! – Патти и Джулс, благослови их Боже, буквально ввинтились между нами, окружили меня, как очень красивые телохранители, и подхватили под руки.

Джулс сверкнула Джоуи улыбкой, которую я могу описать только как приторно-сладкую и неискреннюю:

– Простите, но Стиви нам срочно нужна.

Тщательно выщипанные бровки Джоуи сошлись на переносице:

– Мы вообще-то разговаривали.

– Вот как? А со стороны казалось, будто вы не даете ей пройти, – отозвалась Патти.

Джулс плечом отодвинула Джоуи с дороги, и девочки буквально понесли меня (ноги едва касались земли) через ординаторскую. В дверь пришлось проходить боком – подруги просто не опустили рук, и все. Спеша по коридору к выходу, я чувствовала себя Дороти с Железным Дровосеком и Трусливым Львом, разве что не на дорожке из желтых кирпичиков.

Выскочив из клиники, мы, не размыкая рук, энергично двинули по улице. Остановка моего автобуса в другой стороне, и я уже хотела сказать об этом своим спасительницам, но побоялась показаться неблагодарной.

Джулс оглянулась:

– За нами не идет. Значит, оторвались.

Они отпустили меня, и мы отступили к стене, пропуская студентов, торопившихся на дневные или вечерние лекции. Работа в клинике, находящейся на границе учебного городка, рождала в душе ностальгию, смешанную с меланхолией: мы трое совсем недавно получили дипломы и еще могли сойти за студентов.

– Спасибо, выручили, – искренне сказала я, немного придя в себя.

– Ситуация выглядела напряженной, – Патти чуть сжала мне локоть.

– Да нет, скорее надоевшей и неприятной.

В основном мне удавалось избегать Джоуи, но он будто задался целью выискивать меня всякий раз, когда мы оба на работе.

– Упорный, как лобковая вошь в почасовом мотеле, – припечатала Джулс.

– И такой же мерзкий, – согласилась я.

Джулс и Патти позвали меня на ужин. Если я поеду сейчас домой, то целый вечер буду пережевывать пикировку с Джоуи и, скорее всего, войду в очередной «штопор» – начну заедать незадачливость в личной жизни пинтами мороженого.

Затем мне не дадут покоя мысли, как там у живущего напротив кобеля развиваются плотские отношения с очередной «победой». Я живо представляю, как заклеиваю его красивый рот скотчем и использую соседа в качестве своего персонального дилдо, и опять-таки мне станет обидно за себя. Короче, ничего хорошего не выйдет, если я проведу вечер в одиночестве, поэтому я согласилась на ужин.

Мы зашли в один из местных ресторанчиков. Сегодня всюду было непривычнолюдно, и я вдруг сообразила, почему цвета хоккейной формы моего брата пестрят на мультиэкранном телевизоре, занимающем целую стену бара.

– Сегодня первый товарищеский матч сборной Сиэтла, – Патти указала на экран. – Парни сейчас наверняка у телевизора.

– Какие парни?

– Наши братья. – Я уже знала, что у Джулс три брата, а у Патти – два. – Все как один заядлые болельщики, мы тоже не отстали, и порой азарт выходит из-под контроля.

– Особенно когда разные игры в конце сезона показывают в одно время.

– Могу себе представить...

Столы вблизи телевизоров были заняты, и мы прошли в патио – все равно что-нибудь да увидим. Мне даже не верилось, что я забыла про первый матч новой команды Эр Джея. Я написала ему коротенькое сообщение, пожелав удачи, пока девочки читали меню.

Из патио мне удавалось кое-как следить за игрой, и я не чувствовала себя плохой сестрой. Мы заказали пива, закусок, я увлеченно хрустела начос, когда весь бар дружно ахнул, подавшись к телеэкранам. На льду шла какая-то потасовка, игроки толкали друг друга, и хоккеист в форме сиэтлской сборной,

скорчившись, лежал рядом с воротами соперников.

– Блин, досталось парню! – сочувственно выдохнул кто-то из посетителей через два стола от нас.

– Нечисто играют! Лос-Анджелесу полагается пенальти за такие выходы! – добавил кто-то еще.

– У кого травма? – спросила я Джулс и Патти, зажавших рты ладонями. – Номер сорок четыре, Боумен?

Голос у меня отчего-то сел.

Джулс покачала головой:

– Нет, это сорок второй, Уинслоу. Попал в сборную из Нэшвилла.

– Слава богу! – я обмякла на стуле, успев увидеть счет вверху экрана, прежде чем началась реклама. Сиэтл вел в счете, а это уже кое-что.

– погоди, твоя фамилия же Боумен? – Патти огляделась, не подслушивает ли кто, и тихо спросила, подавшись ко мне: – Ты что, родственница Рука Боумена?!

Я не видела смысла лгать. Мы работаем вместе почти месяц, рано или поздно мой секрет выйдет наружу. Кроме того, правда лакмусовой бумажкой выявит истинные намерения подруг.

– Это мой старший брат.

Патти моргнула, и все. Такое отсутствие реакции впечатляло.

– Ого, значит, Джоуи не всегда врет напрапалую. Нужно учесть.

– Вы знали?!

– Ну, Джоуи не самый надежный источник информации. Все, что он говорит, надо делить на десять, а лучше на сто. Он, например, настаивает, что с ним ты решила взять тайм-аут, пока привыкаешь к жизни в Сиэтле, – сказала Джулс.

– Ну еще бы! – возмутилась я.

– Наверное, непросто живется, когда брат играет в НХЛ, а весь Сиэтл вдруг заболел хоккеем! – предположила Джулс, отправив в рот начос с соусом.

– Иногда болельщицы не знают, как его и облизать.

Я очень люблю брата, но порой меня тяготит роль ничем не примечательной младшей сестры.

– О, я тебя понимаю. Мои братья играют в футбол в университетской команде, так девицы им проходу не дают, – отозвалась Патти.

– Иногда буквально преследуют, – помрачнела Джулс. – Бабы с ума сходят по спортсменам.

– О да! И это невыносимо, – засмеялась я.

– Помнишь, Майк по рассеянности пригласил на домашний матч сразу трех девиц и они передрались из-за него? – обратилась Джулс к Патти, а потом повернулась ко мне: – Устроили настоящую борьбу в грязи посреди футбольного поля, тогда как раз дожди шли. А с трибун все это снимали и выкладывали в соцсетях.

– Кошмар какой... – моим щекам стало жарко.

– Но как тебе достается, даже представлять не хочу. Хоккейные девки сливают черт знает что, – в голосе Патти не было язвительности, а только искреннее сочувствие.

Я огляделась, не прислушивается ли кто, и тихо сказала:

– По-моему, хуже всего было вирусное видео секса втроем.

Патти поморщилась. Джулс скорчила гримасу.

– Помню. Все только об этом и говорили.

– Я тогда школу оканчивала.

– Боже мой...

– Да. Это было... неприятно. – Я отлично помню тот день. После видео началось такое, что я не заходила в свой профайл до конца года. До сих пор у меня все аккаунты закрытые и нигде не указана моя фамилия. – Я вошла в класс, учительницы еще не было, все сидели, уткнувшись в телефоны, и молчали. Я подумала: опять Эр Джей что-то учудил. Когда его взяли в НХЛ, самые популярные старшеклассницы не знали, как ко мне и подольститься, хотя прежде не замечали, а тут... При виде меня все начали смеяться и перешептываться. В итоге я неделю не ходила в школу, пока новость не поостыла. Заодно узнала, сколько у меня настоящих друзей.

Случившееся меня мгновенно отрезвило, и известность я разлюбила раз и навсегда. Никакие привилегии славы не стоят публичного позора и ажиотажа в соцсетях.

– Сочувствую. У меня братец – звезда университетской футбольной команды. Даже думать не хочу, что начнется, если он попадет в профессионалы.

У меня потеплело на душе от возможности поделиться наболевшим с подругами, которые действительно меня понимают. Остаток вечера мы обсуждали, каково иметь братьев-спортсменов, у которых отбоя нет от женщин, и я в кои-то веки чувствовала себя личностью, а не только носительницей знаменитой фамилии.

Глава 7. А-а-а-а-а-а!

Бишоп

По-моему, я до сих пор в состоянии шока. А еще мне невероятно больно, хоть меня и накачали обезболивающими.

Белая простынка едва прикрывает мои причиндалы, но смущение отступило на самый задний план: за последний час меня осматривали и ощупывали полдюжины специалистов. Вердикт был единодушен и весьма фигов: у меня травма области паха. По шкале от звезд из глаз до «пипец, я сейчас сдохну» я нахожусь ближе к пипцу.

Я опустил глаза. На внутренней стороне бедра, от паха до самого колена, наливались сплошные черно-фиолетовые синяки.

– На восстановление клади минимум полтора месяца, – сказал мне врач сборной.

– Я не могу столько времени не выходить на лед!

– Прости, Бишоп, но это надо толком вылечить, – врач показал на мой пах.

– Что, реально шесть недель? – я поглядел на Уотерса, стоявшего с мрачной мордой. – Сезон начинается через три! Я должен уже играть к тому времени!

Уотерс пригладил волосы.

– Бишоп, я понимаю, приятного мало, но если перестараться, только себе навредишь и просидишь на скамье запасных куда дольше чертовых шести недель. Реабилитацию начнем, как только спадет отек и боль станет терпимой.

Я понимал, что тренер прав, но мной овладела паника. Сначала меня, как щенка за шкурку, таскают из нападения в защиту, а теперь после первого же товарищеского матча я вылетел из игры на шесть недель. Это, блин, совсем не айс!

Мне прописали обезболивающие и противовоспалительные. Я заверил врачей, что живу не один и мне помогут дойти до сортира. К счастью, Кингстон после матча приехал в клинику, не пришлось просить Уотерса меня подбросить.

Единственным плюсом на фоне сплошных минусов стало то, что бросок я все-таки отбил, фактически урвав победу для нашей команды.

Одевался я медленно и плавно, после чего Кингстон отвез меня на кресле к боковому выходу. Я не позволил ему подогнать машину и поперся через парковку на костылях (потому что я упрямый дурак). В результате, когда я сел на пассажирское сиденье, меня мутило от боли, а перед глазами плавали черные мушки.

– Бишоп, мне очень жаль. В утешение могу лишь сообщить, что Хесслер получил пятиминутное удаление, а в третьем периоде Боумен разделал его под орех, – Кингстон выехал с парковки и свернул в направлении моего дома.

Удаленный и разделанный под орех Хесслер мне и в самом деле мало чем помог.

– Как мне, мать вашу, сыгроваться, если я не выхожу на лед с остальными?

– Будешь присутствовать на матчах и тренировках.

– Но я же ничего не могу! – я с размаху треснулся затылком по подголовнику (это я погорячился – голова и так разламывалась, соперничая с дикой болью в паху).

– Может, ты восстановишься быстрее, чем за шесть недель? Вдруг там все только с виду серьезно, а на деле не очень страшно?

– Надеюсь, – учитывая свои ощущения, я не был уверен, что это как раз тот случай.

В машине я задремал, отключившись от боли и лекарств. У подъезда Кингстон вызвался проводить меня до квартиры, но я заверил, что уж кнопку в лифте как-нибудь нажму, а дома брат, он мне поможет.

На самом деле я хотел остаться наедине с моим отвратительным настроением и неудачливостью. От боли выкипал и взрывался мозг. Я на костылях вошел в холл и поковылял к лифтам. Кингстон сидел в машине и не уезжал – видимо, желая убедиться, что я не рухну мордой в пол. Я провел карточкой по сенсору, обрадовавшись, что лифт на первом этаже и я окажусь в кабине раньше, чем

грохнусь в обморок. Проморгавшись через целый рой черных мушек, я приложил карту и показал Кингстону большой палец. Когда дверцы сомкнулись и лифт поехал вверх, я привалился к поручню, желая лишь одного – не выложить съеденное несколько часов назад. Скорее всего, желудок пуст, но с рвотными позывами и наклонами мне сейчас не справиться. Я хотел только лечь и сутки-двое лежать неподвижной колодой.

Видимо, я снова ненадолго выпал из реальности, потому что вроде только что закрыл глаза, а лифт уже стоит на уровне пентхауса. Передо мной все плыло, когда я поковылял в фойе и в своем раздрызганном состоянии угодил концом костыля в чертову щель для дверей. Я рванул костыль, и тело пронзила такая боль, что в мозгу закоротило, а перед глазами засиял просто Млечный Путь.

Сквозь зубы я простонал серию проклятий. Костыль неожиданно выскочил, заставив меня по инерции почти пробежать вперед. В следующую секунду я буквально ссыпался на ковер, потому что ни мозг, ни тело не справлялись с болью такой силы, несмотря на лекарства, которыми меня накачали перед отправкой домой. Это недвусмысленно свидетельствовало о серьезности травмы.

Меня прошиб холодный пот, желудок скрутило. Я давился, но смог удержаться и не выблевать остатки завтрака. Все это заняло несколько мгновений, потому что лифт так и стоял открытый. Тут я заметил, что карта-ключ валяется ровно между дверцами, которые в этот момент поехали навстречу друг дружке. Я перекатился на бок, пытаюсь схватить карту, и низ живота дернуло оглушительной болью: мне показалось, что яйца сейчас лопнут и разлетятся. Через черные облака и белые звездочки я разглядел край карты, поймал ее кончиками пальцев и потянул к себе, но дверцы сжали мою руку, и я выронил карту, упорхнувшую в шахту лифта.

Можно было не смотреть. Я перекатился на спину и уставился в потолок, весь потный, судорожно дыша. Да, это точно не мой день. Отчего-то мне вспомнилась соседка напротив в первое свое появление, растерзанная, со сломанным чемоданом и полубезумным выражением лица. Наверное, я сейчас на нее похож.

Кое-как мне удалось сесть, а потом и встать с помощью костылей. Калека калекой я поковылял к двери – и устало выругался при виде носка, свешивающегося с дверной ручки.

Братец не один – это у него такой обалденно сложный условный сигнал. Упершись лбом в дверь, я постучал, не удивившись, что мне никто не открыл. Я сбросил Нолану смс, но не получил ответа. Обычно, когда у меня игра, я возвращаюсь очень поздно. Видимо, Нолан решил со вкусом воспользоваться моим отсутствием, хотя я с ним серьезно поговорил в смысле сократить количество девиц.

Без карты-ключа мне не войти, а за новой надо спускаться на первый этаж. Сейчас мне такой подвиг не по силам, поэтому я решил дожидаться, когда очередное увлечение Нолана освободит территорию, а пока поспать у дверей.

Глава 8. Диванный гость

Стиви

Домой я вернулась около полуночи. Кондитерская, куда мы отправились после паба, предлагала в том числе и спиртное, поэтому мы упились кофе с коньяком и объелись пирожными. Первая пациентка у меня завтра только в десять, успею выспаться.

В пентхаусном холле меня ожидало интересное зрелище: засранец-сосед полусидел, прислонившись к двери и свесив голову набок, а рядом лежали костыли. Может, нахамил кому-то превосходящему его силой и размерами и наконец-то получил по заслугам? При этой мысли я даже улыбнулась.

Звоночек лифта его не разбудил – видимо, соседка в отключке. Дверную ручку украшал длинный белый носок – у нас в колледже это был универсальный знак «Не беспокоить». Надо же, а я думала, сосед один занимает свой пентхаус... Не считая бесконечной череды красоток, он единственный, кто тут мелькает.

Я на цыпочках подобралась поближе, скривившись при виде слюны, стекавшей на подбородок. На левой скуле, похоже, синяк. Может, я права и он действительно подрался? Я подумала оставить кобеля-соседа как есть, но если он получил сотрясение и помрет от кровоизлияния в мозг, я буду чувствовать

себя виноватой. К тому же мне еще не доводилось видеть мертвецов и не хотелось начинать прямо сейчас.

Я постучала в дверь его квартиры в надежде, что меня услышат. Выждав не менее полминуты, постучала снова. Тишина. Тогда я попинала негодного соседа по кроссовке, что с учетом его костылей было дуростью.

Верзила судорожно втянул воздух сквозь зубы, веки разомкнулись, и я услышала низкий стон.

– Ох, прости, – сокрушенно сказала я.

Он заморгал и недоуменно огляделся, после чего со стоном потрогал левую, украшенную синяком сторону лица.

– Тебе плохо?

– Да нет, нормально все... Я прилег, – верзила схватился за дверной косяк и попытался встать. Через полсекунды он снова оказался на полу, на этот раз на боку, одна нога вытянута и напряжена, а другая, согнутая, прижата к груди. Послышался новый мучительный стон.

– Я же вижу – тебе плохо!

Среди очевидных выводов этот прямо-таки напрашивался сам собой.

Верзила не сразу отдышался, и его кожа заблестела от пота, прежде чем ему удалось сесть прямее.

Глядя, как подозрительно долго он приходит в себя, я сделала то, что сделал бы любой нормальный человек, забыв на время о том, что этот тип с первого дня держался со мной как законченный козел.

– Давай я помогу тебе войти в квартиру? Там удобнее, чем в холле на полу.

Сосед кашлянул, прочищая горло, но голос все равно звучал хрипло:

– Я жду, пока уйдет... знакомая моего брата.

И показал на носок на дверной ручке.

– У вас там сексодром, что ли?

– Только когда Нолану везет.

Значит, его брата зовут Нолан.

– Он использует твой пентхаус как блатхату?

Это уже ни в какие ворота. Хуже, чем наш батл нижнего белья.

– Он тоже здесь живет.

Я осеклась. Получается, я зря грешила на соседа как на бессовестного ловеласа. Видимо, он просто козел, а бабник – его брат.

– Я подожду, пока уйдет его случайная знакомая. Надеюсь, уже скоро, – голова верзилы бессильно упала назад, и он спросил: – А который час?

– Почти полночь.

Сосед приоткрыл один глаз.

– Несколько часов здесь сижу. Ведь предупреждал его никого не приводить...

– С твоей стороны очень любезно проявлять такую нечеловеческую деликатность, но тебе необходимо быстрее попасть домой. Будут возражения?

Он тяжело махнул рукой в направлении лифта:

– Я выронил карточку, и она улетела в шахту. Иначе я бы давно, блин, вошел.

Я невольно увидела его в новом свете. Неприязнь моя не уменьшилась, но мне стало по-человечески жаль мужика. Человек явно получил серьезную травму, и сидеть здесь столько времени – адское издевательство над собой.

– Можешь подождать окончания этого мясотряса у меня. В холле, конечно, тоже не каплет, но лежать наверняка неудобно, а ты с гарантией проторчишь тут до утра. Или давай помогу спуститься на первый этаж и получить новую карту-ключ.

По-моему, верзила годился сейчас только на то, чтобы лежать у порога мешком, но я сочла нужным предложить разные варианты. Он повел глазами к лифту, а затем к моей двери:

– Твоя квартира ближе.

Это стало для него решающим: сосед начал подниматься с пола. Судя по количеству хрипов и стонов, задача оказалась почти непосильной. Пока я отпирала дверь, верзила привалился к стене, подперев себя костылями, а войдя, сразу направился к дивану. Дойдя, он как-то очень ловко развернулся и с великими предосторожностями опустился на подушки – будто на сырые яйца присел.

Спиной он лег без проблем, но с ногами у него что-то не получалось. Я мялась у входной двери, запоздало раскаиваясь в своем опрометчивом великодушии. Я ведь ничего не знаю об этом типе, кроме наличия у него брата-бабника и хамского характера.

Минуты две я смотрела, как он мается, после чего предложила свою помощь. Сосед отнесся без восторга, но снизошел.

Я начала поднимать ему одну ногу, когда он вдруг заорал:

– Нет!

Я невольно выронила ногу из рук.

Сосед как-то судорожно свел плечи и не удержал стон.

– Ох, блин... Извини...

Слушая его прерывистое, трудное дыхание, я не могла понять, что за комедию ломает верзила. Может, он наркоман? А вот откуда мне знать, что нет? Надо будет запереться в спальне и спать с телефоном под подушкой!

– Сразу обе ноги, – наконец прохрипел он.

– А волшебное слово?

Сосед приоткрыл глаз и с ненавистью уставился на меня.

– Пожалуйста!

– Какой вежливый, прям обалдеть, – с натугой проговорила я, кое-как закинув ему ноги на диван. Ну и гигант, еле поместился, да и то пятки пришлось пристроить на подлокотник. – Сейчас принесу воды и обезболивающего.

– Просто воды. Спасибо, – глаза у него закрывались сами собой. Сосед скрестил руки на груди. Несмотря на побагровевшее лицо и бисеринки пота на лбу, этот паразит все равно оставался красавцем.

Я пошла на кухню, практически успокоенная болью, которой в нем отзывалось любое движение, и налила воды, а по пути прихватила подушку и одеяло. Для воды я взяла пластмассовый стакан, потому что черт его знает, с такой координацией.

Когда я вернулась в гостиную, где с дивана торчали ноги верзилы, в комнате слышалось ровное дыхание. Я поставила воду на столик и накрыла лежащего одеялом. Одеяла на него не хватило, но в основном он лежал укрытый. Осторожно подсунув ладонь под затылок, я приподняла соседу голову и подсунула подушку, чтобы к утру у него не затекла шея. Хотя, судя по всему, больнее ему уже не будет.

Он сонно замычал и высвободил из-под одеяла руку. Пальцы обхватили мое запястье не то что сомкнувшись, а накрыв друг дружку с большим запасом. Я беззвучно ахнула от неожиданного контакта: по руке до локтя будто пробежал

разряд тока.

Приоткрыв глаза, сосед в упор поглядел на меня. Глаза были мутные и стеклянные от боли и изнеможения.

– Спасибо.

– Без проблем, – отчего-то задыхаясь, ответила я.

– Жаль, что ты такая добрая, – на этом он отпустил мою руку, и веки тяжело поползли вниз.

Я осталась в недоумении – не то я плохо расслышала, не то не поняла, не то сосед бредит и несет бессмыслицу.

Несмотря на его беспомощное состояние, я все равно заперла дверь своей комнаты, прежде чем лечь спать.

* * *

Утром я встала в восемь, удивившись, как крепко спала ночью, хотя в гостиной у меня незнакомый мужик. Видимо, сказывалось сознание, что его кто-то сильно помял. Я прошлепала по коридору и заглянула в гостиную.

На диване уже не лежало гигантского мужика. Одеяло валялось на полу. Потрясающие манеры у этого типа!

Покачав головой, я прошла в кухню. Когда вода в кофеварке закипела и кофе начал фильтроваться, падающие капли напомнили о желании пописать, и я побежала в ближайшую ванную – прихватило неожиданно сильно.

Я распахнула дверь и забыла, зачем пришла: опираясь одной рукой о столешницу с раковиной, сосед справлял нужду с громким низким стоном, в котором слышались облегчение и боль. У меня подогнулись колени (наверняка от неожиданности), и я взвизгнула, потому что любой вскрикнет, обнаружив огромного и хорошо сложенного мужика, облегчающегося в вашем туалете.

От визга верзила вздрогнул и обернулся.

Я попятилась и поспешно закрыла дверь, не в силах забыть, что я только что увидела. Мой козел-сосед прекрасно снаряжен природой. Не до невольного вопля: «Ты что, в порно снимаешься?», а до успокоительной мысли: «Ничего, я эластичная». А еще мне показалось, что он справлял нужду и одновременно справлялся с утренней эрекцией. Я и не подозревала, что такое возможно.

За дверью послышался леденящий душу вопль и грохот. Визжала уже не я, значит, орал сосед. Должно быть, я испугала его не меньше, чем он меня.

– Блин, и что мне теперь делать? – спросила я стену, припав ухом к двери. Из туалета слышались стоны и всхлипывания. – С тобой там все нормально?

– Нет, – с трудом выговорил он, продолжая стонать.

– Тогда я вхожу, – предупредила я. Не оставлять же его в моем туалете – мне вообще-то на работу надо!

Повернув ручку, я приоткрыла дверь и поглядела в щель. Верзила тяжело опирался о столешницу с раковиной. Я открыла дверь пошире и поморщилась: надо же, обрызгал все сиденье! А может, и зеркало окатил! Гадость какая... Ну хоть на пол не надул, и за то спасибо. Паника прошла, сменившись вчерашней жалостью, и я начала замечать кое-какие детали. Сосед стоял в одних трусах с ярко-желтой надписью «Осторожно!», как на полицейской ленте, которой оцепляют место преступления. А ведь вчера на диване я оставила поганца полностью одетым!

Если через прилифтовый холл сосед казался здоровенным, то вблизи это какая-то гора мышц. Мускулы, мускулы, и все подтянутые и тугие. Да он просто огромный! И занимает почти всю мою ванную.

Судя по дыханию разъяренного быка, ему еще и больно. Это, правда, не объясняло, куда делась остальная одежда, но это я выясню позже.

– Что тебе дать? – спросила я. На пошлость его сейчас не хватит.

– Я не дотянусь до костылей, – он показал на стену у раковины с другой стороны. Не особо далеко, но, видимо, ему больно было двигаться.

Я перегнулась через соседа и сперва опустила крышку унитаза, а потом схватила костыли и пристроила к нему по бокам. Получилось довольно неловко, потому что верзила стоял к унитазу лицом, а мне пришлось подойти вплотную. Я задевала его ступни своими, что было как-то странно, но с этим уже ничего нельзя было поделать.

Верзила схватился за перекладины костылей и выдал целый поток ругательств, медленно выпрямившись.

Как реабилитолог и физиотерапевт, я обязана знать, как действовать, но обычно мои пациенты одеты, не пугают меня до полусмерти и не оскорбляют при каждой встрече. Сосед весил, наверное, вдвое больше меня. Я подхватила его под мышки, чтобы... ну, не знаю, поддержать?

– Ты что делаешь?!

– Помогаю, – ответила я ему в спину. Удивительно проработанную, теплую, твердую, мускулистую спину.

– Усевшись мне на закорки? – прокряхтел он.

Я отступила – ну и черт с ним, как хочет. Сосед пошатнулся и выронил костыль, схватившись за столешницу. Надеюсь, ему попался участок, облитый его собственной мочой.

– Может, присядешь, пока ничего не сломал? – не выдержала я.

– Я пытаюсь, а ты, блин, вторгаешься в мое личное пространство!

– Да я к тебе даже не прикоснулась! Что ж ты такой засранец-то, а?

– Потому что мне больно! Ты вот отчего такая морально распушенная и разбиваешь чужую семью?

– Чего?!

Он развернулся – опять-таки куда ловчее, чем можно ожидать от мужика таких габаритов и в таком состоянии, и я на минуту забыла бред о разрушительнице семей, потому что сосед с размаху заехал мне костылем по голени. Пусть там резиновый наконечник, но больно как не знаю что!

Я упала на задницу, схватившись за ногу, а сосед медленно опустился на закрытое сиденье унитаза.

– Уй-я! Ты обалдел?

Вот что получаешь за проявленную доброту к красивому мужику с нутром богомола!

С пола открывался отличный обзор расставленных ног соседа – желтая надпись «Осторожно!» приходилась почти на уровне глаз. Это отвлекало, но я наконец разглядела, что причиняет этому парню нешуточную боль.

– Елки-моталки, это как тебя угораздило?

Внутренняя поверхность левого бедра представляла собой сплошную черно-багровую гематому, переходившую к колену в густую синеву.

– Ударился.

– Как ты получил такую травму паха? Чем ты занимался?

Я никогда ничего подобного не видела, даже в медицинских учебниках и в интернете на видео.

– Груши околачивал!

– Это какая-то постельная игра?

Господи, с какой же женщиной он кувыркался?!

Сосед вытаращил глаза:

– При чем тут секс, это на льду, во время игры!

– Ты хоккеист?!

– А то кто же? – верзила глядел на меня, как на идиотку.

– Профессионал?

У него дрогнули губы:

– Ну.

Брови у меня поползли к волосам.

– Ты играешь в новой сборной Сиэтла?!

– Играю, – он будто ждал какой-то реакции. Эр Джей мог и предупредить, что сосед в пентхаусе – игрок его же команды. А может, это мне пора научиться складывать два и два... И тут я вспомнила эпизод, увиденный вчера по телику.

– Так ты Уинслоу, номер сорок два?

– Угу.

– Слушай, с таким отношением ты долго будешь следить за игрой со скамьи запасных. Сюда же надо лед прикладывать!

Во мне проснулся физиотерапевт. Я подалась ближе, раздвинула ему колени и внимательно осмотрела синяк, ощупывая твердое бедро. Под теплой кожей напряглись мышцы, пока я осторожно пальпировала края гематомы. Да, травма серьезная. С удовольствием займусь реабилитацией такого пациента!

– А-а-а! Что ты себе позволяешь? – собакой зарычал сосед-козел.

– Не волнуйся, я специалист.

Глава 9. Ну ошибся малость...

Бишоп

Боль была жуткая – во рту появилась желчная горечь, на лбу выступил пот, а перед глазами замелькали точки. Во-первых, я не принимал обезболивающего со вчерашнего вечера, а во-вторых, между бедер у меня ползала на коленках боуменовская любовница.

Она одета в одну из тех маек, бретельки которых я могу оторвать кончиком пальца, и спортивные шорты, не длиннее тех, в которых она выходит забрать утреннюю газету. Сквозь тонкий трикотин торчат соски. А декольте!.. Вот уж у кого декольте так декольте.

Тело начало реагировать на ее относительную неодетость и близость ее лица к моему члену. Ощущения оказались адские, я даже взвыл. А тут еще моральная дилемма... Я вышел из себя, потому что собственное тело реагировало недопустимым образом.

– Трахаться с хоккеистами – это не специальность, крошка, – процедил я сквозь зубы.

Девка тут же вскинула голову и уставилась на меня. Глаза у нее чистые и синие, как океан. В них хотелось утонуть. Мой член соглашался, что девица зачетная: у меня стремительно наступала эрекция, причиняя мне зверскую боль.

– Что ты сказал?

Ее хватка на моих бедрах окрепла – девица впилась пальцами в мои синяки.

От боли перед глазами все поплыло, и я схватил ее за запястье. Не позволять себя трогать мне следовало по целому ряду причин, среди которых первыми шли

этические проблемы – и боль.

– Думаешь, можно перебивать под всей хоккейной сборной и никто и бровью не поведет? Ну чего ты на меня лезешь. Ты же мне яйца вот-вот оближешь!.. Блин, почему понятие морали для тебя пустой звук?

Ладно, согласен, у меня вышло излишне образно, но, елки-палки, девка чуть не носом уткнулась мне в ширинку!

Опершись о мои колени, боуменовская любовница резко встала (от этого рывка боль окатила меня как волной). Ростом она не вышла, и ее соски угрожали выколоть мне глаза.

– Ты что несешь, черт тебя побери? Кто ты такой, чтобы называть меня шлюхой?

– Ты трахаешься с капитаном нашей команды, у которого, между прочим, жена и ребенок, а только что беззастенчиво лезла на мой джойстик! – я указал на свой пах.

– Трахаюсь с... – брови у девки сошлись на переносице, нос сморщился. Она будто подавилась, судя по вырвавшемуся у нее звуку, а потом запрокинула голову и расхохоталась. Смех у нее оказался хороший, хотя и саркастический. – Господи! Рук мой брат, ты, придурок!

– Так я и поверил!

Она вытаращила глаза, покивала и улыбнулась как можно шире, спросив:

– Видишь сходство?

Она ткнула пальцем в ямочку на щеке.

– Да не особо, – искренне отозвался я, потому что не сильно разглядывал лицо Рука Боумена. Я ведь в сборной недавно, а когда нам случалось уставиться друг на друга, наши физиономии всякий раз были хмурыми.

Розовые волосы прилетели мне в лицо, потому что девица развернулась и вышла из туалета. Не хочу признаваться, но я пожирал взглядом ее зад. Через несколько секунд она вернулась с фотографией в рамке и какими-то бумажками. Бумажки она сунула мне в лицо – это оказались конверты с надписью «Для Стиви Боумен».

– И что?

– Стиви – это я, – она постучала себя в грудь, и я снова загляделся на ее вырез и торчащие соски. Майка на ней была белая, с вшитым бюстгалтером, то есть между моими глазами и ее сосками имелся лишний слой ткани, но я отчетливо различал очертания ареол. Такие маленькие, нежные, отлично поместятся мне в рот... Да почему я, черт побери, не могу перестать думать о сексе?

– Стиви – мужское имя! – отрезал я.

– Меня называли в честь папы, – девка сунула мне под нос фотографию. Разглядеть так близко я ничего не мог и нехотя взял у нее рамку. Снимок старый, учитывая, каким юным здесь выглядит Рук Боумен, но рядом с ним действительно девица, стоящая сейчас передо мной, только волосы светленькие, а не розовые. На снимке оба улыбаются, и я наконец увидел сходство, о котором говорила Стиви.

Я поглядел на нее, на снимок и снова на нее:

– Так ты мелкая сеструха Боумена?

– Никакая я не мелкая! – Она скрестила руки, отчего груди выпятились еще сильнее.

– Заметно, – я с трудом перевел взгляд на ее лицо. Ну теперь хоть не так стыдно, что я поддался ее чарам.

– Как тебе в голову взбрело принять меня за его... любовницу? – усмехнулась Стиви, отбросив за спину розовые волосы.

Я всплеснул руками.

– Нет, а что я должен думать, если ты заявляешься к нему посреди ночи чучело чучелом, устраиваешь тарарам и увиливаешь от ответов?

– Я не увиливала!

– Могла бы сразу сказать, что ты сестра! Это бы многое прояснило.

– И изменило бы твоё дерьмовое отношение?

– Ну а то, блин!

Знай я, кто она, не вел бы себя как законченный козел.

Стиви подбоченилась, уткнув кулак в крутое бедро.

– Я не обязана афишировать, что у меня знаменитый брат, чтобы люди вели себя со мной по-человечески.

Я провел ладонью по лицу. Куда-то её, блин, все время заносит.

– Я не о...

Ладонь Стиви вдруг оказалась у самого моего носа и замахала, слегка меня испугав. Я чуть не свалился с мокрого унитазного сиденья.

– Разговор у нас, конечно, интересный, но мне пора собираться на работу. Побыстрее сгреби себя в кучу и вали в своё чудачье логово. Кстати, большое пожалуйста за то, что я вчера помогла тебе, грубияну! – она развернулась и гордо вышла из ванной.

– Я же думал, ты аморальная хоккейная... фанатка! А грубый я всегда! – крикнул я ей вслед.

В коридоре хлопнула дверь.

– Черт, – я уронил голову на руки и начал сыпать ругательствами. Хреново. Ни за что обидел сестренку Боумена. Я, конечно, по жизни не подарок, но с ней я нарочно держался как можно хуже. И ванную ей обоссал... И оскорбил не один раз. Если она нажалуется, Боумен мне устроит. А может, уже настучала?

Опираясь на костыли, я кое-как поднялся и неуклюже попытался вытереть сиденье, зеркало и пол. Я даже дотянулся до чертова зеркала. Надо, пожалуй, прислать сюда мою уборщицу навести лоск.

Мне не очень хотелось уходить на такой ноте, но я решил не обострять, чтобы Стиви не стала ябедничать. Я медленно поперся на костылях по коридору. Надо принять обезболивающее и снова лечь.

Проходя мимо ее, как я догадался, спальни, я стукнул в дверь.

– Гм, эй, Стиви!

Странное имя, но ей подходит.

– Ты еще здесь? – Дверь распахнулась. – И по-прежнему в одних трусах? Куда брюки-то дел?

Я невольно проводил взглядом рубашку, которую Стиви ловко натянула через голову, прикрыв спортивный лифчик и гладкий, подтянутый живот. У нее удивительно спортивная фигура, которой я любовался уже без всякого стеснения и внутренней борьбы, раз Стиви не трахается с женатым капитаном нашей сборной.

– Начало у нас вышло неудачное, но если бы я знал, что ты Руку сестра...

– То выключил бы засранца, – договорила Стиви, идя мимо меня в гостиную.

Я за ней не поспевал – от быстрых передвижений к горлу подкатывала тошнота.

– Слушай, я хочу извиниться, – сказал я ей вслед.

– Только потому, что мой брат – важная персона!

Я ковылял за ней на костылях, кряхтя от боли.

– Ничего подобного, я просто не хочу создавать проблемы в команде.

Стиви сразу обернулась.

– А, все понятно! Боишься, что я Руку расскажу? Не волнуйся, я не собираюсь с кем-то делиться твоим комментарием про чучундру.

Блин, я и забыл свое нелестное замечание.

– Ну ты действительно явилась тогда взъерошенная и вздрюченная...

Стиви ошалело уставилась на меня, затем подобрала с пола мою одежду и обувь и пошла к двери. Должно быть, ночью мне стало жарко и я все постаскивал, хотя сам этого не помню. Открыв входную дверь, Стиви вышвырнула в холл все, что несла в руках.

– Пошел вон. Сейчас же!

Я шумно выдохнул – извинения не помогли. Я проковылял мимо Стиви и обернулся объяснить – я вовсе не считаю ее чучундрой, совсем даже наоборот, но дверь захлопнулась у меня перед носом.

– Да, славно получилось, – я нагнулся, подхватил свои спортивные штаны и забросил на шею. Нащупав в кармане телефон, я проверил, что там как. Братец наконец-то вышел из нирваны – дверь пентхауса была уже не заперта. Я поднял с пола рубашку и ботинки и двинул домой, умудрившись ничего не выронить по дороге.

Войдя в квартиру, я даже остановился от неожиданности: в гостиной вальяжно расхаживала очередная подружка Нолана в вечернем платье, туфлях на неприлично высоких каблуках и в остатках вчерашнего макияжа.

Она прошла по мне взглядом и призывно улыбнулась:

– Здра-асте!

Я указал себе за спину:

– Выход там.

В конце коридора показался Нолан в синих штанах и белой рубашке-поло, уткнувшись в телефон. Небось договаривается на вечер о новом свидании. Все как всегда.

– Шиппи по утрам не в духе, не обращай внимания.

– Мы об этом еще поговорим, – пообещал я, злобно стуча костылями по полу.

Нолан наконец оторвался от телефона, и глаза его расширились:

– Господи, что случилось?

– Хоккей, – буркнул я на ходу, оставив его разбираться с девицей.

Войдя к себе в спальню, я свалил одежду на кровать и принялся шарить в карманах, пока не нашел обезболивающие. Я мечтал только об одном – принять горизонтальное положение и отсыпаться, пока мне не станет легче.

На тумбочке стоял стакан воды двухдневной давности. Сойдет... Стиви права, надо приложить к ноге лед, но для этого придется возвращаться в кухню. Я улегся поверх одеяла, ожидая, когда подействует лекарство и придет сон.

Через несколько секунд дверь распахнулась. Братец указал на мой пах, невольно прикрыв ладонью свой:

– Слушай, это ж прям жесть!

Я отвел взгляд от белого потолка.

– Ты даже не представляешь какая. Принеси, что ли, льда из морозильника.

– Сейчас, – Нолан скрылся в коридоре и вернулся с одним из моих охлаждающих гелевых пакетов и полотенцем.

Я накрыл ляжку и положил сверху лед, скривившись, когда холод проник в мошонку. Яйца немедленно съежились, отчего меня скрутила зверская боль. Я застонал и напрягся, отчего стало еще больнее на несколько долгих, мучительных секунд.

– Так что конкретно произошло? – Нолан с размаху уселся ко мне со своим контейнером. К счастью, матрас у меня амортизирующий и я не ощутил сотрясения.

Следом на кровать запрыгнул Дикен, наш черный с белым кот. Он потерся о ногу Нолана и улегся рядом со мной, положив лапу мне на руку. Вскоре он начал бодать меня и слегка выпускать когти, требуя ласки.

Почесывая Дикена за ушами, я рассказывал брату об ударе клюшкой на вчерашнем матче, о том, как я не вовремя расставил ноги, о поездке в больницу и о шестинедельном больничном. Напоследок я рассказал, как уронил в шахту лифта карту-ключ и ночевал на диване у соседки напротив.

– Что ж ты мне не написал из больницы? Я бы выставил свою даму в два счета.

– Я был малость занят, – я потер лицо ладонью и поморщился. Падая, я приложился щекой о стойку ворот, но боль в паху забивала остальные ощущения. – Ты в курсе, что я считал ее боуменовской подстилкой?

– Ты брюзжишь об этом с самого ее переезда, так что да, я в курсе.

– Оказывается, она его младшая сестра.

Теперь, кстати, многое встало на свои места.

– Да ладно? А она замужем?

Я чуть повернул голову – только чтобы глянуть на Нолана:

– Даже не думай.

Брат смотрел на меня в упор, приподняв бровь.

– А, вот теперь все понятно. Ты на нее запал.

– Нет, – отрезал я, снова уставившись в потолок. – Хотя у нее классные соски и очень крутая грудь.

– Я тебе не верю, – Нолан уколол палец и выдавил каплю крови на индикатор, чтобы знать, сколько инсулина колоть. Это первый укол из пяти, назначенных ему в день.

– Это почему?

– Потому что ты на нее гонишь с самого ее появления. Сперва потому, что она шумела посреди ночи, затем потому, что ты не одобрял ее распушенность. Ты бесился, что она студентка и обливается духами, а потом начал возмущаться, что она расхаживает по дому в обтягивающих майках и спортивных трусах, будто у нее нормальной одежды нет. Притом что сам ты ходишь по квартире и даже по этажу исключительно в нижнем белье. Я настолько хорошо изучил очертания твоего дружка, что узнал бы его из целой шеренги вернее, чем свой собственный.

– Не понимаю, как по моим словам можно заключить, будто она мне нравится, – я не стал комментировать шпильку насчет очертаний моего дружка, потому что квартира моя, буду ходить как хочу. Если Нолану тоже хочется разгуливать налегке, я не против, только он быстро замерзнет, у него кровообращение так себе.

– После Пенни ты ни об одной женщине столько не говорил.

– Это имя здесь под запретом. Не произноси его.

Пенни была моя последняя почти серьезная подружка. Я разорвал отношения, потому что Пенни больше заботило, сколько лайков соберут в соцсетях ее селфи со мной, а я как человек интересовал ее меньше.

– Я что, я ничего. Просто впервые за долгое время что-то помимо хоккея разожгло огонек под твоей задницей.

– Раздражение – это не огонек.

– Ну-ну, продолжай отрицать очевидное, Шиппи, – брат задрал рубашку, удерживая подол зубами, сжал двумя пальцами складку кожи – ему пришлось ссутулиться, потому что он довольно тощий, – и глубоко воткнул в тело иголку.

– Какое еще очевидное?

Нолан опустил рубашку и потерял место укола.

– Я же видел, как ты подолгу смотришь в глазок по утрам, ожидая, когда она выйдет!

– Это не потому, что она мне нравится!

– Ну еще бы. Если тебе нужны советы по части личной жизни, я к твоим услугам, брат.

– Сдались мне твои советы, я и так склею кого надо. Была бы девица стоящая.

Чаще всего мне просто лень напрягаться.

– Только не забывай, что твое красивое лицо со временем подурнеет и шевелюра рано или поздно начнет редеть, – брат взъерошил мне волосы. Я хлопнул его по руке. – Повышай коммуникабельность и учись флиртовать, иначе так и будешь справляться вручную остаток жизни.

– Судя по всему, – я указал себе на пах, – я теперь долго не смогу кого-то ублажать. Даже сам себя.

– Это, конечно, хреново, – Нолан собрал свой инсулиновый набор и легко поднялся на ноги. – Тебе еще что-нибудь принести? Я сегодня работаю всего четыре часа, лекций нет, вернусь рано.

– Да нет, спасибо за заботу.

Я смотрел в потолок и думал о соседке, мелкой сестре Рука Боумена, которую изводил несколько недель – сперва из любопытства, а потом из злорадства при виде ее смущения. Потому что я считал ее... короче, той, кем она не являлась. Своим поведением она, как мне казалось, оскорбляла мои моральные принципы.

Нолан прав, я действительно поджидал ее по утрам, следя через глазок. Вот не думал, что брат все замечает... Мне стало немного неловко за странное соревнование по оголению – будто мы с ней старались вызвать друг у друга какую-то реакцию.

Последние недели предстали теперь в абсолютно ином свете, и я не знал, что со всем этим делать. А еще я не знал, как быть с тем, что у меня наступает эрекция при виде Стиви в ее спортивных тряпицах. Может, Нолан прав и я действительно неровно дышу в ее сторону? Там есть на что заглядеться – отличное тело и острый язычок в придачу. И пахнет от нее приятно. Я все это очень ценю в женщинах.

Да вот только она сестра капитана нашей команды, которого я терпеть не могу.

Будь я по натуре мстительным, ох и воспользовался бы ситуацией...

Глава 10. Извинения и одолжения

Стиви

На работу я приехала всего за десять минут до первой клиентки, а я не привыкла так начинать день. Я всегда на месте минимум за полчаса до начала, чтобы не спеша просмотреть свое расписание и вспомнить планы лечения, прежде чем пойдут пациенты. Еще я люблю поболтать с Патти, Джулс и другими коллегами – кроме Джоуи, которого всячески избегаю.

Ну и, разумеется, первым, с кем я столкнулась в тот день, оказался он. Я поспешно заталкивала вещи в шкафчик.

– Привет, – начал Джоуи и оперся локтем о соседнюю дверцу.

– Чего тебе надо? – бросила я, не глядя на него, потому что не желала видеть его заискивающую мину, да и подмышка Джоуи оказалась бы у меня прямо перед лицом. В перерывах между клиентами он всегда остается в майке. Раньше мне это нравилось, но теперь я нахожу эту привычку отталкивающей.

– Я записал нас волонтерами на подготовку благотворительного вечера. Пообещал, что мы возьмем на себя оформление зала, ты ведь такая рукастая и умелая... По-моему, вечер подвернулся как нельзя более кстати: ты новенькая, прекрасный случай хорошо себя зарекомендовать. А во время совместной работы сможем пообщаться.

Мне хотелось врезать ему по яйцам, чтобы он заорал, но я лишь процедила сквозь зубы:

– Обалдеть. Ну, спасибо.

Сказанное сочилось сарказмом и презрением, но Джоуи либо не расслышал, либо предпочел игнорировать.

– Стиви, я знаю, ты на меня еще сердишься, но это и в самом деле пойдет нам на пользу!

Я с грохотом захлопнула шкаф и несколько секунд смотрела на серую краску, глубоко дыша. Надо сказать Джоуи, чтоб проваливал ко всем чертям искать себе другую оформительницу вечеров и залов. Я бы скорее согласилась, чтобы мне вырвали ногти, чем стала бы работать с ним над любым проектом, но затеянный конфликт неминуемо повлек бы за собой проблемы.

Я медленно повернулась, забыв, что Джоуи задрал локоть выше головы. Заросли у него под мышкой напоминали голову косматого тролля, и на волоске кое-где виднелись белые следы дезодоранта, будто у тролля перхоть.

– Ты хотел сказать – тебе, это пойдет на пользу тебе, – сказала я подмышечному троллю. У Джоуи руки растут откуда угодно, только не из плеч, поэтому основной объем работы свалится на меня.

– Стиви, – начал он, опуская руку.

– У меня клиентка, – я обошла Джоуи и направилась к двери, боясь не удержаться и совершить такое, после чего у меня в личном деле появится запись о харассменте.

* * *

Перед ланчем Патти и Джулс подошли ко мне и увели из ординаторской.

– Мы должны тебе кое-что сказать, – начала Джулс, когда мы вышли в теплый сентябрьский день и побросали вещи на ближайший уличный стол.

– Джоуи уже поставил меня перед фактом.

– Это просто подстава, он вообще не приходит рано, а сегодня явился и записал тебя в присутствии Лоретты! Мы ничего не смогли поделать, – сказала Патти с такой же досадой, какую я ощутила утром, когда Джоуи материализовался около моего шкафчика.

Я ободряюще потрепала подругу по руке, разворачивая взятый с собой ланч.

– Ну ничего. Спасибо за попытку отразить бросок.

– Может, нам поговорить с Лореттой и все объяснить, чтобы она тебя освободила?

Это уже сущее детство. Жалоба начальнице, что мне неприятно работать с бывшим бойфрендом, создаст не совсем благоприятное впечатление прежде всего обо мне. К тому же я не готова вдаваться в детали своей личной жизни перед людьми, которые платят мне зарплату.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/hanting_elena/usluga-za-uslugu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)